

«В жизни всегда есть место подвигам»
дайджест по произведениям
классической и современной детской литературы
*к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне
1941-1945 годов*

«В жизни всегда есть место подвигам...»

дайджест по произведениям
классической и современной детской литературы

*к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне
1941-1945 годов*

ББК 91.9.84

В 11

Члены редакционного совета: И. А. Никашкина, В. Н. Арифанова,
Е. М. Аничкина, М. Н. Сорокина, Т. А. Шестопалова, И. А. Карлова.

Составитель А. Г. Ноготкова

«В жизни всегда есть место подвигам...» : дайджест по произведениям классической и современной детской литературы / БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина» ; составитель А. Г. Ноготкова. – Орёл, 2024. – 65 с.

Подвиг – это высшая форма мужества, проявление непоколебимой силы духа, зародившейся из любви к ближнему, к Родине.

Во время Великой Отечественной войны доблестные поступки совершались и на фронте, и в тылу.

Читая книги о войне, мы учимся у литературных героев стойкости, преданности Отчизне, умению защищать её до последней капли крови.

Дайджест предназначен специалистам детских библиотек, педагогам и воспитателям.

Оглавление

От составителя.....	8
Алексеев Сергей Петрович	9
«Гвоздильный завод» (6+)	9
«Данко» (6+)	10
«Злая фамилия» (6+)	10
«Зоя» (6+)	11
«Ни шагу назад!» (6+)	11
«Орлович-Воронович» (6+)	12
«Подвиг Корницкого» (6+)	12
«Подвиг у Дубосекова» (6+)	13
«Сержант-лейтенант» (6+)	13
«Старшина Иван Прохоров» (6+)	14
«Сто красавиц» (6+)	14
«Талалихин» (6+)	15
«Танки против танков» (6+)	15
Арсеньев Сергей Владимирович.....	16
«Ленка-пенка» (12+)	16
Бакланов Григорий Яковлевич	19
«Июль 41 года» (16+)	20
«Пядь земли» (16+)	21
Богданов Николай Владимирович	21
«Комиссар Лукашин» (6+)	22
«Бессмертный горнист» (6+)	22
Богомолов Владимир Осипович	22
«Иван» (12+)	23
Бондарев Юрий Васильевич	23
«Горячий снег» (12+)	24
Быков Василий Владимирович.....	26
«Обелиск» (16+)	27
Васильев Борис Львович	27
«А зори здесь тихие...» (12+)	27
«В списках не значится» (12+)	28
Верейская Елена Николаевна	28
«Три девочки» (12+)	29
Веркин Эдуард Николаевич	30
«Облачный полк» (16+)	31
Герман Юрий Павлович	31
«Вот как это было» (6+)	32
Закруткин Виталий Александрович	32
«Матерь человеческая» (16+)	33
Ильина Елена Яковлевна	33
«Четвёртая высота» (12+)	34
Кассиль Лев Абрамович.....	34

«Рассказ об отсутствующем» (6+)	35
«У классной доски» (6+)	36
Катаев Валентин Петрович	36
«Сын полка» (12+)	38
Космодемьянская Любовь Тимофеевна	38
«Повесть о Зое и Шуре» (12+)	39
Лавренёв Борис Андреевич	40
«Разведчик Вихров» (6+)	40
Митяев Анатолий Васильевич	40
«Длинное ружьё» (6+)	41
Надеждина Надежда Августиновна	41
«Партизанка Лара» (6+)	42
Нечаев Юрий Николаевич	42
«Орден сурового времени» (6+)	43
Полевой Борис Николаевич	43
«Повесть о настоящем человеке» (12+)	44
Рыбаков Анатолий Наумович	47
«Неизвестный солдат» (16+)	47
Сегель Яков Александрович	49
«Коля из села Снегири» (6+)	50
Стрехнин Юрий Фёдорович	50
«Про отряд Бороды» (6+)	52
Фадеев Александр Александрович	52
«Молодая гвардия» (16+)	53
Фонякова Элла Ефремовна	55
«Хлеб той зимы» (12+)	56
Шолохов Михаил Александрович	57
«Судьба человека» (12+)	58
Яковлев Юрий Яковлевич	58
«Баваклава» (12+)	59
«Зимородок» (12+)	59
Список литературы и интернет-ресурсов	60
Алфавитный указатель авторов	62
Алфавитный указатель заглавий	63

От составителя

«А когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдёт, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, – те просто лентяи или трусы, или не понимают жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотел бы оставить после себя свою тень в ней. И тогда жизнь не пожирала бы людей бесследно...» Эти слова принадлежат главной героине рассказа М. Горького «Старуха Изергиль».

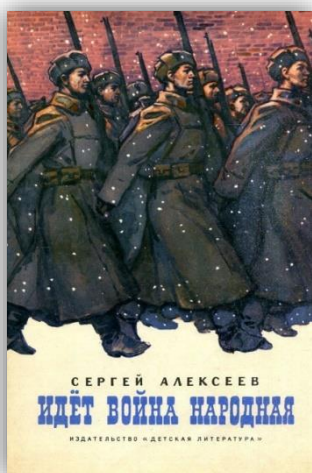
Действительно, во все времена, независимо от исторических реалий, найдутся люди, готовые к самопожертвованию, ради блага своей страны.

В истории человечества немало примеров доблести.

В Великой Отечественной войне, которая стала трагической страницей в нашей истории, множество людей проявили себя как истинные герои. Солдаты и офицеры на фронте, сражавшиеся за каждую пядь родной земли; партизаны, ведущие скрытую войну против врагов; жители Ленинграда, пережившие суровые блокадные времена; советские люди в тылу, работавшие не покладая рук, чтобы обеспечить фронт всем необходимым – все они проявляли отвагу, способствуя победе над врагом.

Читая книги о Великой Отечественной войне, о храбрости, о судьбах людей, которые отдавали свои жизни за свободу Родины, за спасение других людей, учимся у них стойкости и патриотизму.

1. Алексеев Сергей Петрович

Алексеев, С. *Идёт война народная* / С. Алексеев. – Кишинёв : Литература артистикэ, 1989. – 416 с. – (Искорка). – Текст : непосредственный.

«И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль – показался огромный проём в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас последует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждёт, а взрыва всё нет. Приоткрыл он глаза. Видит – схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проём, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит – вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждёт он бесславной смерти. «Раз, два, три», – про себя считает. А взрыва всё нет. Открыл Кутейкин глаза – взрыва нет и гранаты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад к фашистам. Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела ещё одна. Смотрит – и вправду летит граната.

– Моя! – закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу;

– Не подходи – моя!

Схватил гранату и тут же её туда – к фашистам за стену.

Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувшинов и рядовой Пересветов». (С. 86-87)

«Гвоздильный завод» (6+)

«Один из танков движется прямо на Паникаху. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занёс бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаху. Мгновение – и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

– Нет, не пройти фашистам! – прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занёс бутылку. Ударил по решётке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Многие стёрла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живёт, не старея, память о подвиге Паникахи.

Сталинградский Данко – называли его товарищи. Таким он вошёл в историю». (С. 94-95)

«Данко» (6+)

«В составе своей 149 й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусков прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

– Ну, Трусков, посмотрим, какой из тебя солдат, – сказал командир отделения.

Не хочется Тусову быть хуже других. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусков. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

– Молодец! – похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт. Теперь уже справа. Повернулся Трусков. Подобрался к пулемётчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

– Герой! – сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусков.

– О о! – вырвалось у командира отделения. – Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусков.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусков был награждён медалью». (С. 93)

«Злая фамилия» (6+)

«Утром Зою повели на казнь. Устроили её в центре деревни, на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занёс руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился – нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

– Товарищи! Не бойтесь, – прозвучал голос Зои. – Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

– Мне не страшно умирать, товарищи, – говорила Зоя. – Это счастье – умереть за свой народ. – И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: – Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Всё равно победа будет за нами!» (С. 38)

«Зоя» (6+)

«Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнём затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел ещё раз на Гущина, Бурдова – они были его соседями по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

– За Родину! – крикнул герой. Бросился вперёд, навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опалённые боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гушин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гушин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

– Нас не возьмёшь! – прокричали солдаты.

Рванулись вперёд герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:

– Свобода дороже жизни!

Вот они четверо – на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

– Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Ещё взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит, как ветер. Годы текут, как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утёсы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов». (С. 81-82)

«Ни шагу назад!» (6+)

«Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Ещё громче забилося сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперёд – там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперёд! Не мешкай, солдат. Вперёд!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты.

– Один – и четыре фашистских танка. Орёл! Орёл! – смеялись солдаты. Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!» (С. 9-30)

«Орлович-Воронович» (6+)

«Вдруг... Лежал Корницкий на полу. Никто не заметил, как он поднялся. Никто не заметил, как обвязал себя гранатами. Приготовил гранаты к взрыву.

– Прощайте, товарищи! – крикнул друзьям Корницкий. Повернулись бойцы на голос. Видят: мелькнула спина Корницкого. Пригибаясь, выбежал он из здания. Рядом находилась каменная стена-ограда. За ней и укрылась главная из фашистских засад.

Секунда. Вторая. Вот у стены Корницкий.

– Миша! Миша! – кричат бойцы.

– Да здравствует Родина! – прокричал Корницкий.

Откуда только взялась сила у воина! Снова – боец Корницкий! Перемахнул через стену младший сержант Корницкий, прыгнул на головы фашистов.

Рванули гранаты. Стена разбита. Конец засаде.

Устремились десантники из горящего дома в проём стены. Пробили кольцо фашистов.

Не забудется этот миг. Не забудется этот взрыв. Вечная память Михаилу Корницкому!

Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Корницкому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза». (С. 182-183)

«Подвиг Корницкого» (6+)

«Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе всё танки, ближе.

– Друзья, – произнёс Клочков, – велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

– Понятно, товарищ политрук, – ответили солдаты.

– Москва!

Вступили солдаты в битву. Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Ключков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Ключкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Ключков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково – для каждого русского сердца дорогое, святое место». (С. 27-28)

«Подвиг у Дубосекова» (6+)

«Фашистов много, а он один.

– Сдавайтесь! – кричит. – Сдавайтесь!

Подбежали фашисты к своим окопам. Укрылись. Но не спасли их окопы на этот раз. Вслед за ними влетел и Бирюков в траншею.

– Рус! – закричали фашисты. – Рус!

Кричат и те, кто спрыгнули только сейчас в окопы, и те, кто в окопах уже сидели. Не поняли фашисты в горячке боя, что из русских у них в окопе только один солдат. И Бирюков в той же горячке боя, видимо, тоже не очень понял, что он один. Увлёкся солдат погоней. Влетел в окоп, полоснул автоматом, швырнул гранату.

Побежали фашисты. Те, что остались живы, укрылись в других траншеях.

В это время подоспели на помощь к Бирюкову наши солдаты. Поравнялись они с окопом. Видят: жив, невредим Бирюков. Стоит в неприятельском окопе, трофеи считает. Подобрали солдаты трофеи: автоматы, миномёты, фашистские пулемёты – восемь пулемётов одних досталось, – вернулись к своим позициям.

За свой героический подвиг сержант Бирюков был награждён орденом. Одновременно ему было присвоено звание лейтенанта.

Поздравили его товарищи. Радовались успеху. Солдаты всегда солдаты. Любят солдаты шутку. Обнимают Бирюкова, бросают шутки:

– В окопы вбежал сержантом, выбежал – лейтенантом. Ещё два окопа – майором будешь». (С. 58-59)

«Сержант-лейтенант» (6+)

«Остановились десантники. И сразу слева, справа по ним огонь. Гибель стоять на месте. Всегда кто-то первым бывает в деле. Всегда кто-то первым идёт в атаку. Рванулся вперёд Иван Прохоров. Ступил он на минное поле. Сделал несколько шагов. Раздался взрыв. Рухнул на землю Прохоров. Рухнул, но тут же встал.

– Не возьмёшь! Не возьмёшь! – грозно кричал матрос.

Устремился опять вперёд. Снова раздался взрыв. Рухнул на землю Прохоров.

– Ранен!

– Ранен!

– Лежи! Не двигайся!

Однако снова герой поднялся.

– Не возмёшь!

Сделал он новый шаг. Всего лишь два шага насчитали тогда бойцы. С новой силой раздался взрыв. Прокатился он гулким эхом. От этого взрыва – другие взрывы.

Не поднялся больше отважный воин. Совершил он подвиг на поле боя. Всегда кто-то первым бывает в деле. Первым в бою, в атаке. Храбрым из самых храбрых. Открылся от взрывов проход в минном поле. Устремились вперёд десантники:

– Смерть фашистам за смерть героя!» (С. 195)

«Старшина Иван Прохоров» (6+)

«На боевое задание полетели Марина Чечнёва и штурман Ольга Ключева. Ночь. Темнота. Подлетели девушки к Тереку. Хотя и ночь, хотя и темнота, однако определили фашистские зенитчики над Терekom самолёт. Рванулись снаряды в небо. Бросает Чечнёва свой По-2 то выше, то ниже, то вправо, то влево – сбивает прицел у фашистских пушек. Вырвались лётчицы из огня. Ушли за Терек куда-то дальше. «Значит, не к нам летели, не к переправам», – решили фашистские зенитчики.

Ушли лётчицы вдаль, за Терек. Набрали там высоту. Затем развернулись и тихо, приглушив мотор, стали возвращаться снова к реке, к неприятельской переправе. Не ожидали фашисты, что самолёт вернется. Проморгали. Недоглядели. Девушки неожиданно для них сбросили бомбы. И прямо в цель. Взлетела в воздух фашистская переправа.

Только теперь открыли огонь зенитчики. Да поздно. Далеко уже наш По-2.

– До новых встреч! – прокричали девушки.

Отважно сражались советские лётчицы. По два, по три, иногда по пять боевых вылетов совершали за ночь. Доставалось от них фашистам. Как только не крестили фашисты советских лётчиц:

– «Ночные совы!»

– «Ночные дьяволы!»

– «Ночные ведьмы!»

Смеются девушки:

– Ладно! Пусть будет так». (С. 172)

«Сто красавиц» (6+)

«Вновь для атаки зашёл Талалихин. Нажал на гашетку. Молчат пулемёты. Расстрелял все патроны лётчик.

Уходит противник. И тут...

Не раз уже советские лётчики таранили, то есть винтом или корпусом своего самолёта сбивали самолёты врага. Ещё в первые дни войны совершили таран младшие лейтенанты Пётр Харитонов, Степан Здоровцев, Михаил Жуков. Да и здесь, под Москвой, тоже свои герои: капитан Алексей Катрич, младший лейтенант Борис Пирожков и другие. Однако все это были тараны дневные. Ночью Талалихин таранил первым.

Подвёл он машину к хвосту фашистского самолёта. Только прицелил к удару, как вдруг блеснул огонь из фашистского самолёта. Лучами метнулись пули. Обожгли они руку советскому лётчику.

Сжал Талалихин от нахлынувшей боли зубы. Однако штурвал из рук не выпустил. Снова зашёл в хвост фашистского бомбардировщика. Нажал на рычаги. Дал полный газ. И со всей силой врезался в самолёт противника. Вспыхнул бомбардировщик, как факел. Рухнул, завертелся, понёсся вниз.

Однако от удара был выведен из строя и самолёт Талалихина. Пришлось лётчику прыгать с парашютом. Прыгнул. Благополучно спустился вниз.

За свой подвиг – за первый воздушный ночной таран – младший лейтенант Виктор Талалихин был удостоен высокой награды. Он стал Героем Советского Союза». (С. 20)

«Талалихин» (6+)

Алексеев, С. За мужество! : Рассказы о Великой Отечественной войне / С. Алексеев. – Москва : Издательство «ОНИКС-ЛИТ, 2014. – 20 с. – (Награды Великой Отечественной). – Текст : непосредственный.

«Вынесли старший сержант Николаев и радист командира из танка, укрылись рядом в большой воронке. Приметили их фашисты. Один из «тигров» пошёл к воронке. Ясно Николаеву – раздавят их фашисты.

Рванулись мысли:

«Быстрее – гранату!»

Нет у бойца гранаты.

«Бутылку с горючей смесью!»

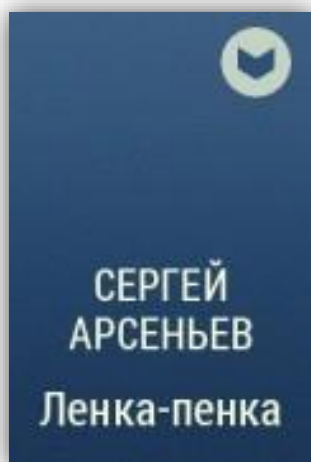
Нет у бойца бутылки.

Глянул Николаев на «тигра», потом на свой, на горящий танк. Вскочил на башню. Скользнул сквозь пламя. Метнулся в люк. Проверил: мотор исправен. Взялся Николаев за рычаги. Фыркнул, дрогнул и ожил танк. Рванулся с места. Развил скорость и в лоб – на «тигра». (С. 5)

«Танки против танков» (6+)

2. Арсеньев Сергей Владимирович

Арсеньев, С. В. Ленка-пенка / С. В. Арсеньев. – Текст : электронный // ЛИТМИР. Электронная библиотека. – URL : <https://litmir.club/br/?b=146725> (дата обращения : 13.07.2024).

«Она не ходила в атаки. Она не стреляла во врагов. Она не добывала с риском для жизни разведданные. Она не минировала мосты. Она даже не работала. Она вообще ничего не делала. Только сидела в тылу и ждала, пока другие всё сделают за неё. Чтобы победить, ей достаточно было выжить. Выжить в тылу, не на фронте. Всего лишь выжить. Это ведь так просто, верно? Верно?»

«Ленка-пенка» (12+)

«Так что не удивительно, что звание красного командира смогла опознать и без помощи Сашки. Мы обратились к нему. Что мы хотим помочь. Дайте нам лопаты и покажите, где нужно копать.

А он нас прогнал. Сказал, что мы ещё мелкие. А меня вообще отправил играть в куклы. Вовка засопел и, кажется, собирался зареветь. И тогда я сказала этому страшному лейтенанту, что когда в город придут фашисты, то мне точно будет не до кукол. Я пришла сюда для того, чтобы сюда не пришли фашисты. И дома мне нужно не играть, а делать уроки. Но я пришла сюда. Пусть я мелкая и слабая. Но копать-то я могу! Я ведь не прошу дать мне винтовку и отправить в штыковую атаку. Я просто хочу помочь хоть как-нибудь. Где моё место?!

Ой. Последнюю фразу я как-то неожиданно для себя самой выкрикнула. Сама испугалась этого. Крикнула и язык прикусила себе. Мамочки. Кричать на красного командира?..

Против ожидания, тот не рассердился. Немного задумавшись, внимательнее посмотрел на нас, а затем всё же согласился дать нам работу. Только копать он нас не поставил, иное придумал. Работавших на постройке укреплений людей, видимо, недавно кормили обедом. Невдалеке стояла полевая кухня, а пожилой боец укладывал в прицепленной к ней тележке десятки грязных жестяных мисок. Вот эти-то миски нас троих и отправили мыть.

Мы отцепили тележку от кухни и покатали её в сторону колонки. А ещё колдовавший у кухни боец дал нам две не слишком чистых тряпки и большой кусок хозяйственного мыла. Мы втроём пришли на колонку, Вовка повис у неё на ручке, пуская воду, а я с Сашей стала отмывать миски».

«Ленка-пенка» (12+)

«Фугаска в дом попала, наполовину разрушив его. От дома всего одна стена осталась стоять. А на четвёртом этаже уцелела половина комнаты. Просто кусок пола висит в воздухе, за эту последнюю стену непонятно как держится. Внизу под ним куча битого кирпича, а кусок пола держится как-то.

А на этом полу, около самой стены, двое мальчишек стоят. В тапочках, майках и домашних штанах. Младшему, наверное, года четыре. А старшему около шести. То есть, это я так думаю. Стоят молча и спокойно. Не ревут, не дёргаются. За руки держатся. Хотя пол под ними в любой момент рухнуть может».

«Ленка-пенка» (12+)

«Люди же внизу не знают, что им делать. Как снимать их оттуда? Притащили какие-то лестницы, связали три штуки, но это больше от отчаяния. Чтобы хоть что-то сделать. Приставить лестницы к стене боятся. Рухнет запросто. Да и коротко. Явно мало трёх лестниц.

И тут стоящий в толпе моряк в чёрной форме что-то крикнул, снял с плеча свой сидор, сунул его кому-то, да и полез вверх. Прямо по стене, без лестниц. Совсем молодой, даже моложе Мишки он был. Помню, как полз он, зажав в зубах ленточки от своей бескозырки.

Не знаю, как он там полз, за что цеплялся. Может, занимался раньше альпинизмом? Но залез. Как-то вскарабкался до четвёртого этажа. Мы с Сашкой внизу стояли, смотрели, чем это закончится.

Моряк же над полом голову выставил, да что-то мальчишкам сказал. И тот, что помладше, сразу, без криков, лёг на пол и пополз к моряку. Там как-то зацепился ему за шею, переполз на спину, да там и повис, вцепившись в моряка руками и ногами. А тот медленно, гораздо медленнее, чем поднимался, начал спускаться. Ниже, ниже... У мальчишки слетел с ноги и упал вниз правый тапчек. И вот они оба уже на земле.

Мальчишку от моряка отцепили и передали какой-то женщине, которая плакала и причитала всё это время внизу. А моряк полез обратно, за вторым.

Вверх, вверх. Вот он снова на четвёртом этаже. И уже старший мальчишка лёг на пол и пополз к моряку. А потом...

Может, старший тяжелее был. А может, он как-то своим весом этот пол и держал, не знаю. Словом, только он ползти начал, как...

Не выдержал пол. А за ним и вся стена вниз посыпалась. И внизу всё осело кучей балок и битого кирпича, подняв огромное облако пыли.

Мужчины молча потянули шапки с голов. Некоторые крестились. Сашка тоже картуз свой снял. А я плакала, как и многие другие. Ни у старшего мальчишки, ни у этого смелого моряка шансов уцелеть там не было никаких. Кто был этот моряк? С какого корабля? Не знаю. Название корабля на бескозырке прочитать я не успела. Надеюсь, его тело потом всё-таки выкопали и сообщили капитану, как он погиб. Чтобы хотя бы дезертиром не считался. Всё-таки одного мальчика он спас».

«Ленка-пенка» (12+)

«Ой, а что это там происходит? Проходя мимо арки, заметила в глубине двора какое-то мельтешение. Какие-то люди, кричат, что-то колупают. Парень лет шестнадцати выскочил из двора и начал оглядываться по сторонам с совершенно сумасшедшими глазами. Кого-то ищет. Но, видимо, не находит. Тут его взгляд на мне остановился.

– Девочка, – говорит он мне, – а ты тут неподалёку мальчишку примерно твоего возраста не видела?

– Не видела. А что за мальчишка? Как он выглядит?

– Да, не важно как. Мальчишка нам нужен. Мы пролезть не можем.

– Куда пролезть?

– В подвал. Слишком большие все.

– Зачем в него лезть? Через дверь нельзя пройти?

– Нельзя. Понимаешь, детсад там был. По тревоге они в подвал спустились. А тут бомба. Накрыло их. Засыпало. Дом старый был, ещё позапрошлого века. А у меня там брат, Бориска.

– Где брат?

– Да в подвале же! Говорю, они в подвале, а дом развалился!

– Так, раскапывать нужно.

– Боимся. Вдруг дальше рухнет? Да и некогда копать. Мальчишка нужен.

– А зачем?

– Ну, как не поймёшь ты?! Помочь вылезти. Они ж мелкие! Четыре-пять лет. Сами не соображают, да и боятся. Ревут только. Там темно ведь. И скорее. Похоже, водопровод прорвало, затопляет подвал!

– Да мальчишка-то зачем?

– Мы ход к ним проковыряли сбоку. Но узкий он. Не выходит шире. Сильно боимся ковырять. Нужно, чтобы кто-то пролез внутрь и помог им. Воспитательницу у них, похоже, убило. По крайней мере, взрослые снизу не отзываются.

– Дети? А много их там?

– Было около сорока. Сколько выжило, не знаем. Но несколько десятков точно. Блин. Мальчишку, срочно! Где, где мальчишку найти?!

– Слушай, а обязательно мальчишку? Я не подойду?..»

«Ленка-пенка» (12+)

«По поводу ушей Саши Круглова можешь не беспокоиться. Саша – мой брат. И твой тоже теперь. Обижать Сашу я не позволю никому, даже тебе. Мы столько уже пережили с ним вместе, что на пять жизней хватит. Да, ты был в бою, а я нет. Но, Лёня, извини, только тут у нас тоже бой. В декабре вообще бой был за каждый день. Прожил ещё один день, покушал хлеба, чтобы не умереть ночью – вот и победил фашистов ещё раз. И так день за днём, Лёня, день за днём».

«Ленка-пенка» (12+)

«В общем, Лёничка, за меня и Сашу можешь не беспокоиться. Мы приспособились. Если шальным снарядом или бомбой не убьёт, то мы выживем. И мы тут не просто выживаем, ты не думай. Мы помогаем, как можем. Мы и на чердаке дежури́м, зажигалки ловим. Я сама дежурила не раз. Это не страшно совсем, Лёня. Я пожар один раз потушила на чердаке, одна. Осенью мы лом цветных металлов собирали для заводов Ленинграда, и я тоже собирала. И бутылки пустые ещё собирала, в них потом горючую смесь заливали, чтобы жечь фашистские танки. А ещё мы в тимуровском отряде, помогаем ослабевшим. И у нас в школе была новогодняя ёлка, праздник назло фашистам. Была музыка, Дед Мороз из Вари Степановой и горячий обед для детей. А я на ёлку Борю похитила и меня его мама потом обозвала идиоткой.

И это не только мы так. Ленинград – это не обуза! Мы работаем! Дядя Игорь же не проведать нас приезжал. Он за новыми орудиями приезжал, вот зачем. Наш Ленинград делает оружие для всей страны! Даже в блокаде, всё равно мы работаем!! Мы – не обуза! И мы сражаемся, Лёнь. Наша артиллерия стреляет каждый день. Балтфлот жив, он тоже сражается! Лёня, Ленинград – это не ад. Совсем нет. Нам тут трудно, тяжело, но мы стараемся помочь стране».

«Ленка-пенка» (12+)

3. Бакланов Григорий Яковлевич

Бакланов, Григорий. Июль 41 года / Григорий Бакланов. – Москва : ВАРГИУС, 2004. – 350 с. – Текст : непосредственный.

«Вдруг между батареей и танками Тройников увидел ползущую во ржи медсестру. В каске на голове она ползла на четвереньках, коленями и ладонями переступая по земле, а на спине её, ничком, с повисшими вниз волочащимися руками лежал раненый, забинтованная голова его, как неживая, перекатывалась по её голове.

Из жёлтой ржи перед батареей взлетели вверх чёрные взрывы, танки били по ней. Медсестра остановилась. Как собака со щенком в зубах, она озиралась загнанно, стоя на четвереньках. Хлеба стеной обступали её, она ничего не видела в них ни перед собой, ни сзади. И встать тоже не могла: раненый лежал на её спине.

С трубкой в руке, забыв про Прищемихина, Тройников обернулся, ища глазами, кого бы послать к ней, но увидел только запрокинутые вверх головы: доньшки фуражек и пилотки, придерживаемые руками. На высоту, зайдя с тыла, пикировал самолёт. Тройников увидел его в тот момент, когда от него оторвалась и косо летела вниз бомба.

– Кажись, наша!.. – пристыженно засуетился вдруг подполковник-танкист, оглядываясь на всех. И эта растерянная улыбка на грубом мужественном лице и виноватый голос – было последнее, что видел и слышал Тройников. Дальше был свист, удар и удушливая темнота». (С. 184)

«Июль 41 года» (16+)

«Выскакиваю из окопа. Петляя, бегу между разрывами. Кукуруза кончается. Пустое, голое место. Низкая трава. Разрыв! Падаю. В бомбовую воронку скатываюсь головой вниз. На дне её, на чьей-то шинели, лежит Шумилин, голый до пояса. Рядом мальчишка-пехотинец, тоже раненный и перевязанный уже.

– Да лежить вы, дядя, – просит он плачущим голосом, беспокойно оглядываясь и удерживая Шумилина.

Но тот опять пытается встать, хрипит:

– Помощь мне!

И вдруг увидел меня. Глаза, горячечные, сухие, потянулись ко мне иступленно:

– Помощь мне, товарищ лейтенант! Жена умерла, получил письмо... Нельзя умирать мне... Детишек трое... Помощь мне надо!..

И рвётся встать, словно боясь, что, лежащего, смерть одолеет его.

– Сейчас перевяжу! Лежи!

А вижу, что ему уже ничего не поможет. Руки, рёбра – перебито всё. Даже голенища сапог исполосованы осколками. Он истекает кровью. Снаряд, видно, разорвался рядом. Как он жив до сих пор? Наверное, одним этим сознанием, что нельзя ему умирать.

– Сейчас, сейчас, – говорю я и не могу выдержать его просящего взгляда.

– Намучився я з ним, – жалуется пехотинец. – Тут такэ робыться, а вин нэ лежить. Нэ чулы, товарищ лейтенант, отбили нимца?

– Отбили...

Я рву рубашку Шумилина на широкие полосы, бинтую, и они сразу же намокают кровью. Так вот почему Шумилин не хотел идти на плацдарм. Дети! Этого я ещё не понимаю, но чувствую, что ради детей на всё можно пойти. Даже на унижение. И всё-таки он ни на кого не переложил свою судьбу.

По краю воронки, загораживая небо, пробегает боец. От его сапог сыплются вниз комья глины. Ещё один пробегает. Все туда, к Днестру... Пехотинец смотрит на них снизу, оглядывается на меня. Потом карабкается из воронки, цепляясь за землю здоровой рукой. Я его не удерживаю – сам не знаю, отчего вдруг пожалел.

Шумилин дышит неровно, широкие ребра то проступают сквозь кожу, то опадают. И всё ближе, слышней клочкотание в горле.

– Снаряд... в ногах разорвался, – говорит он сквозь это мокрое клочкотание. – С танка... Не слышал даже... Там...

И пытается показать рукой, но только чуть шевелит голым плечом. Перебитая рука, обескровленная, с белыми синеющими ногтями, остаётся бессильно лежать на земле». (С. 300-302)

«Пядь земли» (16+)

4. Богданов Николай Владимирович

Светлячок: рассказы, стихи и сказки для детей. – Тула: Приокское книжное издательство, 1987. – 186 с. – Текст : непосредственный.

«– Рус, сдавайся! – услышал он чужие хриплые голоса.

Лукашин поглядел на скалы и вздрогнул. Он не испугался врагов, его взволновало другое: все наши бойцы, даже раненые, спускались к нему на помощь.

"Назад!" – хотел он крикнуть, но они бы всё равно не послушались его.

"Хорошо, – решил Лукашин. – Сейчас вам незачем будет идти..." Он вскочил во весь рост и поднял руки.

Увидев это, весь отряд остановился. А Тюрин даже протёр глаза. Что такое? Ведь комиссар Лукашин всегда учил бойцов, что советский воин в плен никогда не сдаётся. Ему хотелось крикнуть: "Лукашин, опомнись!"

Но тут фашисты обступили комиссара тесной толпой, и его не стало видно.

Тюрин сел на выступ скалы и закрыл лицо руками:

– Позор!..

И в это время в ночи прогремели два взрыва, резко отозвавшиеся в скалах.

Что такое? Толпу врагов отбросило прочь от комиссара. Повалились убитые. Закричали раненые. Сам он упал ничком и не поднялся...

Оказывается, в руках Лукашин прятал две гранаты. Поднятыми руками нарочно приманил врагов поближе. А когда они подбежали, окружили, с силой опустил руки и, ударив гранаты о камни, подорвал и себя и своих преследователей. Всё это бойцы поняли в ту же минуту.

Они поднялись разом, без всякой команды, и слетели вниз, как на крыльях. В уставших, измученных людях вдруг возродились новые, могучие силы. Как пёрышко, подхватили они своего израненного комиссара и внесли его на вершину скалы, за которой их встретили наши передовые дозоры.

Опоздавшим немецким фашистам остались только их незадачливые соперники – побитые и покалеченные финские фашисты.

Тюрин, сдавая санитарам комиссара, сказал:

– Скорее к докторам его, к самым лучшим! Такого человека надо спасти во что бы то ни стало!

И, пожав холодеющую руку Лукашина, шепнул ему:

– Я про тебя плохое подумал. Прости меня, комиссар. Ты всем показал, как советский воин в плен не сдаётся!» (С. 99-100)

«Комиссар Лукашин» (6+)

«Это трубит Вася – коренастый, крепенький мальчишка из пригорода, захваченного фашистами. Перед тем как слечь, Алеша передал ему свой пост. И счастлив, что горн попал в надёжные руки. Каждое утро бесстрашный паренёк ходит от дома к дому, из двора во двор, не боясь ни бомбёжки, ни обстрела. И трубит, трубит, призывая ребят Ленинграда к стойкости и героизму.

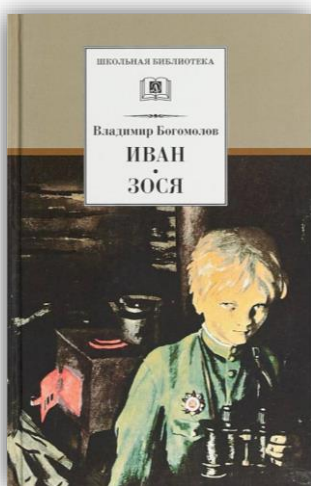
В осаждённом городе самое опасное – быть мальчишкой. Не бойцом на передовой, не пожарником на крыше, даже не моряком на «Марате», на который сыплется больше всего бомб, а именно мальчиком-подростком.

Солдаты умирают в бою, дорого отдав свою жизнь, а мальчиков Ленинграда выкашивает голод, как траву... И, хотя хлебный паёк они получают наравне с солдатами, им трудней. Беда в том, что организмы детей растут. И от нехватки пищи начинают пожирать сами себя. Вначале жировые запасы, затем клетки тела. Мускулы слабеют, мясо начинает отставать от костей. Наступает сонливость, неподвижность и вечный сон...

Алеше нельзя умирать. Он должен бороться со смертью, как боец с врагом! И победить, чтобы потом встать в строй. Если не будут выживать и подрастать мальчишки, кто потом станет на смену погибшим бойцам?» (С. 101-102)

«Бессмертный горнист» (6+)

5. Богомолов Владимир Осипович

Богомолов, В. Иван. Зося / В. Богомолов – Москва : Детская литература, 2001. – 191 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Начальнику полевой полиции группы «Центр»...
«...21 декабря сего года в расположении 23-го армейского корпуса, в запретной зоне близ железной дороги, чином вспомогательной полиции Ефимом Титковым был замечен и после двухчасового наблюдения задержан русский, школьник 10–12 лет, лежавший в снегу и наблюдавший за движением эшелонов на участке Калинковичи-Клинск.

При задержании неизвестный (как установлено, местной жительнице Сёминой Марии он назвал себя „Иваном“) оказал яростное сопротивление, прокусил Титкову руку и только при помощи подоспевшего ефрейтора Винц был доставлен в полевую полицию...

...установлено, что „Иван“ в течение нескольких суток находился в районе расположения 23-го корпуса... занимался нищенством... ночевал в заброшенной риге и сараях. Руки и пальцы ног у него оказались обмороженными и частично поражёнными гангреной...

При обыске „Ивана“ были найдены... в карманах носовой платок и 110 (сто десять) оккупационных марок. Никаких вещественных доказательств, уличавших бы его в принадлежности к партизанам или в шпионаже, не обнаружено... Особые приметы: посреди спины, на линии позвоночника, большое родимое пятно, над правой лопаткой – шрам касательного пулевого ранения...

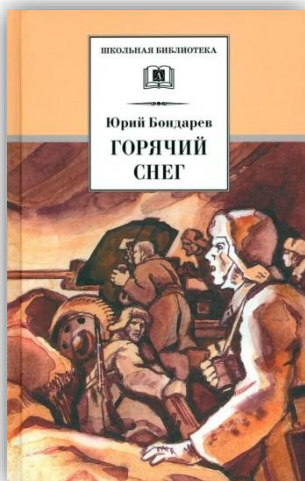
Допрашиваемый тщательно и со всей строгостью в течение четырёх суток майором фон Биссинг, обер-лейтенантом Клямт и фельдфебелем Штамер „Иван“ никаких показаний, способствовавших бы установлению его личности, а также выяснению мотивов его пребывания в запретной зоне и в расположении 23-го армейского корпуса, не дал.

На допросах держался вызывающе: не скрывал своего враждебного отношения к немецкой армии и Германской империи.

В соответствии с директивой Верховного командования вооруженными силами от 11 ноября 1942 года расстрелян 25.12.43 г. в 6.55». (С. 107-108)

«Иван» (12+)

6. Бондарев Юрий Васильевич

Бондарев, Ю. Горячий снег / Ю. Бондарев. – Москва : Военное издательство, 1984. – 336 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Навстречу ему из пулемётного гнезда белыми привидениями подымались двое, с головы до ног косматые от снега. Обмороженные лица их были сплошь затянуты в стеклянный лёд подшлемников, а из подшлемников – глаза, воспалённые морозом и ветром, в густых кругах изморози, устремлены на Бессонова, выражая одинаковую оторопелость – не ожидали, по-видимому, увидеть здесь, в омертвевшей траншее, живого генерала в сопровождении живых офицеров.

Матово поблескивали прямоугольные морские пряжки. На порванной, прожжённой плащ-палатке, расстеленной по бровке окопа, – куча дисков ручного пулемёта, собранных со всей позиции; рядом с пулемётом – на сошках противотанковое ружьё. Везде валялись свежестреляные гильзы: на бруствере, на дне окопа. Видимо, оставшись вдвоём, пулемётчик и пэтээровец некоторое время вели огонь из одного гнезда, соединённые в

последнем усилии, локоть о локоть. Судя по морским пряжкам, были эти двое из дальневосточных моряков, ставших пехотой месяц назад на формировке армии, сохранивших памятью о прошлом тельники и матросские пряжки.

Оба они оторопело встали перед Бессоновым, ничем не отличимые друг от друга, в толстых и жестяных от снега и инея шинелях; и заостенелые в твёрдую форму рукавицы их неуверенно ползли к шапкам. Обрывисто дышали оба, слова не выговорив, точно не верили чему-то никак, обнаруживши рядом с собой генерала и офицеров позади него.

Тогда огромный Деев, нарушая неписанные законы сдержанности в присутствии командующего, первый ступил в пулемётный окоп пехотинцев, крепким объятием притиснул к себе одного, другого; надломленно прозвучал его растроганный, напрасно отыскивающий твёрдость голос:

– Выстояли, ребятки? Выжили? Товарищ командующий, вторая рота... – И, недоговорив фразу, посмотрел Бессонову в глаза с выражением умиления и потрясенности.

Слова, которые должен был сказать в ту минуту Бессонов, тенями скользили в сознании, не складывались в то, что чувствовал он, показались ему никчёмными, мелкими, пустопорожними словами, не отвечающими безмерной сути увиденного им, и он с трудом произнёс:

– Кто-нибудь из командиров жив?..

– Никого... Никого, товарищ генерал.

– Раненые где?

– Человек двадцать на тот берег переправили, товарищ генерал. Мы из роты одни...

– Спасибо вам!.. Спасибо вам от меня... Как ваши фамилии, хочу знать! – Он еле расслышал их фамилии, обернулся к Божичко, в молчании разглядывавшему двух счастливых с завистливым и мучительным удовольствием человека, понимающего, что такое после вчерашнего боя остаться в живых, воюя в боевом охранении; и, когда Бессонов через силу, глуховато сказал: «Дайте два ордена Красного Знамени. Вам, полковник Деев, сегодня заполнить наградные листы», – Божичко с радостью вынул из вещмешка, подал Бессонову две коробочки, а тот, прислонив палочку к стенке траншеи, шагнул к этим двоим, окаменевшим, неочнувшимся, вложил им в несгибающиеся рукавицы ордена и, отвернувшись, вдруг скрывая нахмуренными бровями сладкую и горькую муку, сжавшую грудь, передёрнувшую его лицо, захромал по траншее, не оглядываясь». (С. 328-329)

«Горячий снег» (12+)

«Он остановился. Кинулось в глаза: четверо артиллеристов, в донельзя замурзанных, закопчённых, помятых шинелях, вытягивались перед ним около последнего орудия батареи. Костерок, угасая, тлел прямо на

орудийной позиции – тут же на разостланном брезенте термос, два вещмешка; пахло водкой.

На лицах четверых – оспины вьевшейся в обветренную кожу гари, тёмный, застывший пот, нездоровый блеск в косточках зрачков; кайма порохового налёта на рукавах, на шапках. Тот, кто при виде Бессонова негромко подал команду: «Смирно!», хмуро-спокойный, невысокий лейтенант, перешагнул станину и, чуть подтянувшись, поднёс руку к шапке, готовясь докладывать. И тогда Бессонов, с пытливым изумлением вглядываясь, едва припомнил, узнал. Это был не тот юный, запомнившийся по фамилии командир батареи, а другой лейтенант, тоже раньше виденный им, встречавшийся ему, кажется, командир взвода, тот самый, который искал на разъезде командира орудия во время налёта «мессершмиттов», тот, который в растерянности не знал, где искать.

Прервав доклад жестом руки, узнавая его, этого мрачно-сероглазого, с запёкшимися губами, обострившимся на исхудалом лице носом лейтенанта, с оторванными пуговицами на шинели, в бурых пятнах снарядной смазки на полах, с облетевшей эмалью кубиков в петлицах, покрытых слюдой инея, Бессонов проговорил:

– Не надо доклада... Всё понимаю. Вас видел на станции. Помню фамилию командира батареи, а вашу забыл...

– Командир первого взвода лейтенант Кузнецов...

– Значит, ваша батарея подбила вот эти танки?

– Да, товарищ генерал. Сегодня мы стреляли по танкам, но у нас оставалось семь снарядов... Танки были подбиты вчера...

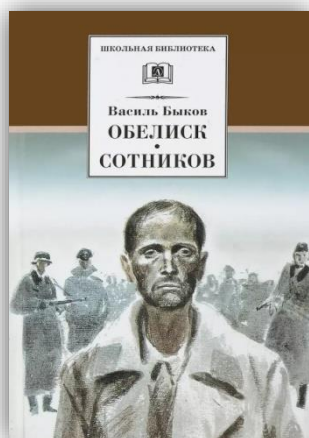
Голос его по-уставному силился набрать бесстрастную и ровную крепость; в тоне, во взгляде – сумрачная, немальчишеская серьёзность, без тени робости перед генералом, точно мальчик этот, командир взвода, ценой своей жизни перешёл через что-то, и теперь это понятное что-то сухо стояло в его глазах, застыв, не проливаясь. И с колючей судорогой в горле от этого голоса, взгляда лейтенанта, от этого будто повторенного, схожего выражения на трёх грубых, сизо-красных лицах артиллеристов, стоявших между станинами позади своего командира взвода, Бессонов хотел спросить, жив ли командир батареи, где он, кто из них выносил разведчика и немца, но не спросил, не смог... Ожигающий ветер неистово набрасывался на огневую, загибал воротник, полы полушубка, выдавливал из его воспалённых век слёзы, и Бессонов, не вытирая этих благодарных и горьких, ожигающих слёз, уже не стесняясь внимания затихших вокруг командиров, тяжело опёрся на палочку, повернулся к Божичко. И потом, вручая всем четверым ордена Красного Знамени от имени верховной власти, давшей ему великое и опасное право командовать и решать судьбы десятков тысяч людей, он насилу выговорил:

– Всё, что лично могу... Всё, что могу... Спасибо за подбитые танки. Это было главное – выбить у них танки. Это было главное... – И, надевая перчатку, быстро пошёл по ходу сообщения в сторону моста.

Ещё хмурясь, сжимая коробочку с орденом обмороженными пальцами, ещё поражённый слезами на глазах командующего армией, новым, чего не ожидал он от генерала, вчера на станции и затем утром на батарее запомнившегося своей пронзительностью внимания, своим скрипучим, холодным голосом, Кузнецов молчал». (С. 333-335)

«Горячий снег» (12+)

7. Быков Василий Владимирович

Быков, Василь. Обелиск. Сотников : Повести / Василь Быков. – Москва : Детская литература, 2004. – 271 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Хлопцы ещё в амбаре упали духом, когда услышали за дверьми голос Алесь Ивановича. Решили – схватили и его. Кстати, до самого конца никто из них иначе и не – думал – считали, не уберётся учитель, ненароком попался к немцам. И он им ничего о себе не сказал. Только подбадривал. И сам старался быть бодрым, насколько, конечно, это ему удавалось. Говорил, что жизнь человеческая очень несоразмерна с вечностью и пятнадцать лет или шестьдесят – всё не более чем мгновение перед лицом вечности. Ещё говорил, что тысячи людей в том же Сельце рождались, жили, отошли в небытие, и никто их не знает и не помнит никаких следов их существования. А вот их будут помнить, и уже это должно быть для них высшей наградой – самой высокой из всех возможных в мире наград.

Наверно, это всё-таки мало их утешало. Но то обстоятельство, что рядом был их учитель, их всегдашний Алесь Иванович, как-то облегчало их незавидную судьбу. Хотя, конечно, они бы многое, наверное, дали, чтобы он спасся.

Рассказывали, что, когда вывели их на улицу, сбежалась вся деревня. Полицаи стали разгонять людей. И тогда старший брат этих близнецов Кожанов, Иван, пробрался вперёд и говорит какому-то немцу: «Как же так? Вы же говорили, что когда явится Мороз, то отпустите хлопцев. Так отпустите теперь». Немец ему парабеллумом в зубы, а Иван ему ногой в живот. Ну, тот и выстрелил. Иван так и скорчился в грязи. Что тогда началось: крик, слезы, проклятья. Ну да им что – повели хлопцев.

Вели по той самой дороге, через мосток. Мосток подправили немного, пешком можно было пройти, а фурманки ещё не ездили. Вели, как я уже говорил, парами: впереди Мороз с Павликом, за ним близнята Кожаны – Остап и Тимка, потом однофамильцы – Смурный Коля и Смурный Андрей. Позади два полицаи волокли Бородича. Полицаев, рассказывали, было человек семь и четыре немца.

Шли молча, разговаривать никому не давали. Да и не хотелось, должно быть, им разговаривать. Знали ведь, что ведут на смерть, – что же ещё могло ожидать их в местечке? Руки у всех были связаны сзади. А вокруг – поля, знакомые с детства места. Природа уже дружно пошла к весне, на деревьях растрескались почки. Вербы стояли пушистые, увешанные жёлтой бахромой. Говорил Миклашевич, такая тоска на него напала, хоть в голос кричи. Оно и понятно. Хоть бы успели малость пожить, а то по четырнадцать-шестнадцать лет хлопцам. Что они видели в этой жизни?

Так подошли к леску с тем мостком. Мороз всё молчал, а тут тихонько так спрашивает у Павлика: «Бежать можешь?» Тот сначала не понял, посмотрел на учителя: о чём он? А Мороз снова: «Бежать можешь? Как крикну, бросайся в кусты». Павел догадался. Вообще-то бегать он был мастак, но именно – был. За три дня в амбаре без еды, в муках и пытках умение его, конечно, поубавилось.

Всё-таки слова Алеся Ивановича вселили надежду. Павлик заволновался, говорил, аж ноги задрожали. Показалось тогда, что Мороз что-то знает. Если так говорит, то наверное, можно спастись. И хлопец стал ждать». (С. 79-80)

«Обелиск» (16+)

8. Васильев Борис Львович

Васильев, Борис. А зори здесь тихие... В списках не значился. Встречный бой. Завтра была война : Повести / Борис Васильев. – Москва : Вече, 2004. – 446 с. – Текст : непосредственный.

«Одно знал Васков в этом бою: не отступать. Не отдавать немцу ни клочка на этом берегу. Как ни тяжело, как ни безнадежно – держать. Держать эту позицию, а то сомнут – и всё тогда. И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас её последним сыном и защитником. И не было во всём мире больше никого: лишь он, враг да

Россия». (С. 90)

«А зори здесь тихие...» (12+)

«Женька не расстраивалась. Она вообще никогда не расстраивалась. Она верила в себя и сейчас, уводя немцев от Осяниной, ни на мгновение не сомневалась, что всё окончится благополучно.

И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несуразно и неправдоподобно было умирать в девятнадцать лет.

А немцы ранили её вслепую, сквозь листву, и она могла бы затаиться, переждать и, может быть, уйти. Но она стреляла, пока были патроны. Стреляла лёжа, уже не пытаясь убежать, потому что вместе с кровью уходили и силы. И немцы добились её в упор, а потом долго смотрели на её гордое и прекрасное лицо...» (С. 93)

«А зори здесь тихие...» (12+)

«Он шёл строго и прямо, ничего не видя, но точно ориентируясь по звуку работавшего мотора. И все стояли на своих местах, и он шёл один, с трудом переставляя распухшие, обмороженные ноги.

И вдруг немецкий лейтенант звонко и напряжённо, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щёлкнув каблуками, чётко вскинули оружие «на караул». И немецкий генерал, чуть помедлив, поднёс руку к фуражке.

А он, качаясь, медленно шёл сквозь строй врагов, отдававших ему сейчас высшие воинские почести. Но он не видел этих почестей, а если бы и видел, ему было бы уже всё равно. Он был выше всех мыслимых почестей, выше славы, выше жизни и выше смерти.

Страшно, в голос, как по покойнику, закричали, завывали бабы. Одна за другой они падали на колени в холодную апрельскую грязь. Рыдая, протягивали руки и кланялись до земли ему, последнему защитнику так и не покорившейся крепости.

А он брёл к работающему мотору, спотыкаясь и оступаясь, медленно передвигая ноги. Подогнулась и оторвалась подошва сапога, и за босой ногой тянулся теперь лёгкий кровавый след. Но он шёл и шёл, шёл гордо и упрямо, как жил, и упал только тогда, когда дошёл.

Возле машины.

Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ». (С. 292)

«В списках не значится» (12+)

9. Верейская Елена Николаевна

Верейская, Е. Три девочки. История одной квартиры / Е. Верейская. – Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2021. – 224 с. – (Вот как это было). – Текст : непосредственный.

«Тут как стукнет что-то над нами! Раз и два, и вдруг нас ослепил яркий белый свет, – точно вот когда при магнии снимают. Стало светло, как днём. Смотрим, это две зажигательные бомбы нашу крышу пробили. Я растерялась – стою и смотрю, а белое пятно брызжет во все стороны. А Коля кричит: «Чулки! Скорей!» –

сам снова падает, потому что я его из рук выпустила. Я бросилась к куче чулок, схватила, сколько могла, подбежала к одной бомбе и давай забрасывать её этими мешками. Чулки вспыхнули и сразу обгорели, а песок рассыпался и потушил бомбу. Тогда я бросилась к другой и тоже забросала её чулками с песком». (С. 122-124)

«Три девочки» (12+)

«Наташа с Люсей шли в очередь к проруби на Неве. Эта очередь была такая же молчаливая и хмурая, как очередь за хлебом. Только тут не к чему было прислониться, не на что сесть. Спускаться к Неве становилось труднее с каждым днем. Ступеньки, забитые снегом и залитые водой, обледенели, слились в скользкую неровную дорожку. Люди старались обходить её по сторонам, вытаптывая ступеньки в снегу, но падали, разливали добытую воду – и неровная, скользкая дорожка всё расширялась. Иногда кто-нибудь, у кого ещё оставались силы, приносил с собой топор и вырубал ступеньки во льду, но их хватало ненадолго.

Втащить снизу саночки было невозможно, и их оставляли наверху. Но не все приходили с саночками. Многие несли прямо в руках кастрюли на верёвочках или в «авоськах», кувшины, всякую другую посуду.

У Люси и Наташи было по ведру. Саночки они оставили на снегу у спуска. Собираясь спускаться вниз, они увидели ползшую по ступенькам наверх старушку. В одной руке она несла большой медный чайник, а другой хваталась за лёд. Добравшись почти доверху, она остановилась и беспомощно оглянулась.

– Бабушка! Давайте руку, я подтащу вас, – предложила Люся. – Наташа, а ты меня держи. – И, подав руку, на которой висело ведро, Наташе, она вступила одной ногой на спуск и протянула старушке руку.

– Ах ты, касаточка моя, – умилилась старенькая, хватая её за руку. Но ноги скользнули, чайник, разливая воду и звеня привязанной крышкой, покатился вниз, а за ним покатились вниз и старушка, увлекая за собой Люсю с пустым ведром. Наташа осталась наверху. Люся выпустила её руку. Всё это произошло так стремительно быстро, что никто из них даже не успел вскрикнуть.

Наташа бросилась вниз на помощь. Но сойти было тоже не так легко, и, когда она подошла к упавшим, старушка уже поднялась, охая, а Люся сидела на льду, растирая рукой ушибленную ведром коленку, и тихо плакала.

– Ну, ничего, Люсенька, – старалась её утешить Наташа. – Вставай, я тебе помогу.

– Ничего... – Люся всхлипнула и встала, опираясь на Наташу, – мне не так больно, как обидно... Хотела помочь, а... – и она снова всхлипнула.

– Родненькая ты моя, – запричитала старушка, поднимая чайник, – силушки-то у меня не было удержаться.

Подошла Наташа.

– Ничего, бабушка. Вы обе целы, – значит, всё в порядке. Теперь мы сделаем так: лезьте наверх и сторожите наши санки – вот они стоят. А чайник давайте мне, я воды вам наберу». (С. 135-136)

«Три девочки» (12+)

«– Нет, вы только подумайте, – зашептал он, захлебываясь словами, – всё, всё делается, чтобы спасти Ленинград!.. Эх, будь я моложе... сильнее!.. Спасти во что бы то ни стало!.. Дерзкий, смелый план! – горячо повторил он. – Люди гибнут от обстрелов, проваливаются под лёд, замерзают, а добиваются и добиваются своего! На смену идут новые! Изголодавшиеся, истощённые, работают сутками напролёт...

– Да. Сутками напролёт!» (С. 181-182)

«Три девочки» (12+)

«Дорога! Дорога жизни!... Сквозь чёрную тьму, сквозь бешеный ледяной ветер неслись вереницы машин с ярко светящимися фарами. Это были словно две светлые ленты, две извивающиеся линии огней: одни мчались туда, на Большую землю, другие непрерывным потоком лились навстречу; и те и другие терялись где-то далеко-далеко в чёрной пустоте. И так странно было видеть эти дерзкие огни после строгой темноты Ленинграда!» (С. 195)

«Три девочки» (12+)

10. Веркин Эдуард Николаевич

Веркин, Эдуард. Облачный полк / Эдуард Веркин. – Москва : КомпасГид, 2015. – 296 с. – Текст : непосредственный.

«Откуда-то, точно из-под снега, выскочил Ковалец, а может точно из-под снега. Он был не похож на себя, исчезла вся красота и гладкость, лицо оказалось перекошено яростью, в руках доска метра полтора длиной с закреплённой взрывчаткой. Полушубка нет, шапки нет, только тоненький вязаный свитер. Ковалец кинулся к поезду через снег, высоко выдёргивая ноги, точно выплясывая дурацкий птичий танец. Его тут же заметили, охранник на платформе сдёрнул автомат и тут же вскинул руки, пуля пробила ему плечо, и солдат упал между платформами, под колёса. Кулаков, снайпер. Машинист загудел, упал ещё один часовой, остальные очнулись и стали стрелять по Ковальцу, но его уже было не остановить. Кажется, он что-то орал, я бы тоже орал, точно, как тут можно не орать?

– Не стрелять! – крикнул Саньч.

Мне. Я и так знал, что стрелять нельзя, рано – можно задеть Ковальца, только Кулакову можно.

Ковалец подскочил к рельсам перед первой платформой, сунул бомбу, и отпрыгнул в сторону, откатился, завяз в снегу, немцы стали стрелять гуще и отчаяннее, я подумал – вот сейчас в него точно попадут, но не попали, Ковалец перекатился, и ещё перекатился, и тут грохнуло, почему-то глухо, в стороны полетела земля и снег, так что я даже подумал, что бомба не сработала на полную мощность.

Но я ошибся. Первая платформа словно наткнулась на невидимую преграду, железный лом разлетелся в разные стороны, вторая смялась в гармошку, паровоз поехал в сторону. Сначала передними колесами взборонил мёрзлую землю, замер на секунду, и тут же его сзади ударил вагон и танки. Удар получился громче, чем взрыв, тендер сплющило, уголь плюнул фонтаном. Паровоз устоял, не опрокинулся, а вот вагон выдавило в сторону, он упал на бок. Первая танковая платформа опрокинулась и танк вывалился». (С. 193-194)

«Облачный полк» (16+)

11. Герман Юрий Павлович

Герман, Ю. Вот как это было : Повесть / Ю. Герман. – Санкт-Петербург-Москва : Издательство «Речь», 2023. – 96 с. – Текст : непосредственный.

«– Товарищ капитан, куда это моя мама одна пошла? Ведь из этого дома все выселены и там лежит бомба.

А капитан отвечает:

– Твоя мама, паренёк, героиня, понял? Её военная специальность – разряжать такие бомбы. Вот она сейчас к этой бомбе подходит.

Я даже глаза закрыл – так мне страшно стало. Одна идёт в подвал к бомбе, а в бомбе внутри часы тикают: «Тик-так, тик-так». И когда секретное время выйдет, бомба взорвётся.

– Что же она с бомбой может сделать? – спрашиваю.

– У твоей мамы есть специальные инструменты, – говорит капитан. – Подойдёт твоя мама к бомбе, послушает часы. Потом приставит к тому месту, где часы тикают, сверло, и станет это сверло сверлить бомбу. Дойдёт сверло до часов, сломает их, и испорчена будет вся фашистская механика.

– И пока сверло сверлит, ничего не может плохого случиться?

Капитан помолчал, потом ответил:

– Может.

– А когда часы эти проклятые сломаются, тогда уже всё хорошо?

– Не совсем. Тогда ещё нужно отвинтить донную часть бомбы.

– И это тоже моя мама будет делать?

– Да. Тоже.

И капитан почему-то крепко прижал меня к себе.

Очень тихо было вокруг. Никто ничего больше не говорил. И командиры, и красноармейцы, и капитан, и я, и Генька Лошадкин – все стояли молча и смотрели на большие ворота, из которых должна была выйти моя мама.

– Товарищ капитан, – попросил я, – можно мне сбегать посмотреть? Ну пожалуйста...

– Нет, — ответил он и сильнее сжал моё плечо». (С. 64-66)

«Вот как это было» (6+)

12. Закруткин Виталий Александрович

Закруткин, В. Матер человеческая / В. Закруткин. – Москва : Профиздат, 1986. – 160 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Так семь маленьких странников, сирот из ленинградского детского дома, остались жить с Марией в её тёплом погребе. Вот Марии и пригодилось тряпье, которое она собрала в окопах, постирала и сложила про запас. Несколько дней она возилась, обшивая полураздетых детей: пошила им платишки, тапочки и шапочки из плотного шинельного сукна, раскроила и порезала полинявшие солдатские гимнастёрки на портяночки, одела всех потеплее.

С приходом детей Мария как будто ожила: рассказывала им о хуторе, о приходе немцев, о смерти Ивана, Васятки и Фени, о том, как она похоронила в кукурузе Саню, а потом несчастного Вернера Брахта и политрука Славу, как, ища человека, к ней стали сходить коровы, собаки, овцы, лошади, куры, как слетелись на хуторское пожарище голуби.

Она по-прежнему ежедневно уходила на работу, наказав детям никуда не отлучаться, выходить из погреба только по крайней нужде и не разговаривать громко, чтобы не привлечь к себе внимания.

Несколько дней она кормила детей щами из солёного конского мяса, заправленной молоком кукурузной кашей, потом зарезала овцу, пять кур. На её глазах измождённые дети стали поправляться, посвежели, на их худых, обветренных лицах появился румянец...

Маленький Андрюша первый назвал её мамой. Однажды вечером, когда Мария вернулась с поля и спустилась в погреб, мальчик вскочил с нар, повис у неё на шее и радостно закричал:

– Мама пришла! Мама пришла!

А трёхлетняя Даша повторила, захлопав в ладошки:

– Мама! Наша мама!

Скрывая слёзы, Мария сказала:

– Ну да... мама... ваша мама... а то чья ж?

В этот же вечер Галя, Наташа, Таня и Лара, окружив Марию, спросили застенчиво:

– Можно, мы тоже будем называть вас мамой?

– А я и есть ваша мама, – глухо сказала Мария. – Выл у меня единственный сыночек, а теперь вон вас сколько, и все славные, хорошие деточки...» (С. 11-112)

«Матерь человеческая» (16+)

13. Ильина Елена Яковлевна

Ильина, Елена. Четвёртая высота : Повесть / Елена Ильина. – Москва : Детская литература, 2022. – 334 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Оставив раненого на месте, Гуля бросилась опять к пулемёту. Меткой очередью остановила она тех, что подбирались с её стороны. Немцы залегли. Но вот пулемётный диск кончился. Она пошарила вокруг себя и поняла: стрелять нечем. Вся надежда на гранаты.

Гуля вырвала гранату из-за пояса. Крепко сжала её в руке и приготовилась... А ну, подойдите, подойдите! И в этот миг она почувствовала, что левая рука у неё стала немая, тяжёлая, словно не своя, и рукав наполнился чем-то горячим и липким. Закружилась голова...

«Только бы не упасть!»

Гуля стиснула зубы, ещё крепче зажала ручку гранаты и, подпустив немцев поближе, метнула её. Хорошо!.. Точно!..

Гуля вытащила вторую гранату, последнюю. Эту уже нельзя было бросать – её нужно было оставить для себя, чтобы не сдаться врагу живой...

Ноябрьская вечерняя мгла со всех сторон обступила высоту. И, почти сливаясь с этой мглой, чёрные на сером, надвигались всё ближе и ближе фигуры немцев...

И вдруг где-то совсем рядом в темноте раздались голоса. Как будто русский говор! Свои... Вспыхнула ракета, брошенная врагом, и осветила белым светом приближающийся полк красноармейцев. Это был ещё один полк дивизии – 788-й.

«Подкрепление!» – поняла Гуля.

Да, это было подкрепление. Полк продвигался к высоте. Но он был ещё далеко. А с высоты под натиском врага откатывалась рота первого батальона. Командира с ней не было. Осколком немецкого снаряда его убило наповал.

И опять какой-то стремительный порыв словно подхватил Гулю. Она забыла боль, усталость, страх – всё на свете.

– Товарищи! – закричала она и словно издала услышала свой сильный и звонкий голос. – Я – первая на штурм! Кто за мной? В атаку, вперёд! За Родину!

– Вперёд! – подхватил один голос.

– За Родину! – гулко отозвались десятки голосов.

Гуля, нагнувшись, пробежала несколько шагов и вдруг будто споткнулась, поднялась и снова упала.

Троянов обернулся, положил автомат на землю.

– Гуля! – окликнул он её. – Да что же это с тобой?

Но она не отвечала.

Он стал было расстегивать ворот её гимнастерки и почувствовал на своих руках кровь. Ранена. В грудь.

Гуля глухо застонала, рванулась и, запрокинув голову, с трудом выговорила:

– Ничего... Чья высота? Наша?

Она пыталась ещё что-то сказать, но понять её было трудно.

Уже похолодевшую Гулю бережно положили на плащ-палатку, а вокруг всё так же гремел бой за высоту.

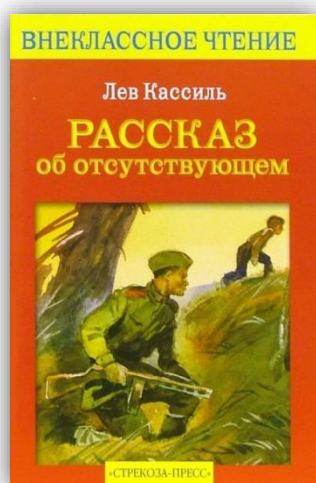
– Прощай, Гуленька... – сказал Троянов и, обернувшись, крикнул: – Товарищи! Наша Гуля убита. Отомстим за неё!

И все, кто был вокруг, ринулись на врага. Бой за высоту разгорелся с новой силой.

Дружным, единым натиском высота 56,8 была вновь взята. Отвоёвана, оплачена кровью – последняя высота в Гулиной жизни». (С. 315-316)

«Четвёртая высота» (12+)

14. Кассиль Лев Абрамович

Кассиль, Л. Рассказ об отсутствующем / Л. Кассиль. – Москва : СТРЕКОЗА-ПРЕСС, 2007. – 60 с. – (Внеклассное чтение). – Текст : непосредственный.

«Эх, дядя, дядя!.. – говорит мой дружок и сам чуть не плачет. – Ну, тогда лежите здесь, дядя, чтоб вас не слышать, не видеть. А я им сейчас глаза отведу, а потом вернусь, после...»

Побледнел он так, что веснушек ещё больше стало, а глаза у самого блестят.

«Что он такое задумал?» – соображаю я. Хотел было его удержать, схватил за пятку, да куда там! Только мелькнули над моей головой его ноги с растопыренными чумазами

пальцами – на мизинчике синяя тряпочка, как сейчас вижу... Лежу я и прислушиваюсь. Вдруг слышу:

«Стой!.. Стоять! Не ходите дальше!»

Заскрипели над моей головой тяжёлые сапоги, я расслышал, как немец спросил:

«Ты что такое тут делал?»

«Я, дяденька, корову ищу, – донесся до меня голос моего дружка, – хорошая такая корова, сама белая, а на боку чёрное, один рог вниз торчит, а другого вовсе нет. Маришкой зовут. Вы не видели?»

«Какая такая корова? Ты, я вижу, хочешь болтать мне глупости. Иди сюда близко. Ты что такое лазал тут уж очень долго, я тебя видел, как ты лазал».

«Дяденька, я корову ищу...» – стал опять плаксиво тянуть мой мальчонка. И внезапно по дороге чётко застучали его лёгкие босые пятки.

«Стоять! Куда ты смел? Назад! Буду стрелять!» – закричал немец.

Над моей головой забухали тяжёлые кованые сапоги. Потом раздался выстрел. Я понял: дружок мой нарочно бросился бежать в сторону от оврага, чтобы отвлечь немцев от меня. Я прислушался, задыхаясь. Снова ударил выстрел. И услышал я далёкий, слабый вскрик. Потом стало очень тихо...

Я как припадный бился. Я зубами грыз землю, чтобы не закричать, я всей грудью на свои руки навалился, чтобы не дать им схватиться за оружие и не ударить по фашистам. А ведь нельзя мне было себя обнаруживать. Надо выполнить задание до конца. Погибнут без меня наши. Не выберутся.

Опираясь на локти, цепляясь за ветви, пополз я... После уже ничего не помню. Помню только – когда открыл глаза, увидел над собой совсем близко лицо Андрея...

Ну вот, так мы и выбрались через тот овраг из лесу.

Он остановился, передохнул и медленно обвёл глазами весь зал.

– Вот, товарищи, кому я жизнью своей обязан, кто нашу часть вызволить из беды помог. Понятно, стоять бы ему тут, у этого стола. Да вот не вышло... И есть у меня ещё одна просьба к вам... Почтим, товарищи, память дружка моего безвестного – героя безымянного... Вот даже и как звать его, спросить не успел...

И в большом зале тихо поднялись лётчики, танкисты, моряки, генералы, гвардейцы – люди славных боёв, герои жестоких битв, поднялись, чтобы почтить память маленького, никому не ведомого героя, имени которого никто не знал. Молча стояли понурившиеся люди в зале, и каждый по-своему видел перед собой кудлатого мальчонку, веснушчатого и голопятого, с синей замурзанной тряпочкой на босой ноге...» (С. 9-11)

«Рассказ об отсутствующем» (6+)

«И вдруг на задней парте поднялся Костя Рожков и поднял руку:

– Она правда не знает!

– А кто знай?

– Я знаю... – громко и отчётливо сказал Костя. – Я сам туда ходил и знаю. А она не была и не знает.

– Ну, показывай, – сказал начальник.

– Рожков, зачем ты говоришь неправду? – проговорила Ксения Андреевна.

– Я правду говорю, – упрямо и жёстко сказал Костя и посмотрел в глаза учительнице.

– Костя... – начала Ксения Андреевна. Но Рожков перебил её:

– Ксения Андреевна, я сам знаю...

Учительница стояла, отвернувшись от него, уронив свою белую голову на грудь. Костя вышел к доске, у которой он столько раз отвечал урок. Он взял мел. В нерешительности стоял он, перебирая пальцами белые крошащиеся кусочки. Фашист приблизился к доске и ждал. Костя поднял руку с мелком.

– Вот, глядите сюда, – зашептал он, – я покажу.

Немец подошёл к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками изо всех сил ударил чёрную гладь доски. Так делают, когда, исписав одну сторону, доску собираются перевернуть на другую. Доска резко повернулась в своей раме, взвизгнула и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя, прыгнув через раму, мигом скрылся за доской, как за щитом. Фашист, схватившись за разбитое в кровь лицо, без толку палил в доску, всаживая в неё пулю за пулей.

Напрасно... За классной доской было окно, выходившее к обрыву над рекой. Костя, не задумываясь, прыгнул в открытое окно, бросился с обрыва в реку и поплыл к другому берегу.

Второй фашист, оттолкнув Ксению Андреевну, подбежал к окну и стал стрелять по мальчику из пистолета. Начальник отпихнул его в сторону, вырвал у него пистолет и сам прицелился через окно. Ребята вскочили на парты. Они уже не думали про опасность, которая им самим угрожала. Их тревожил теперь только Костя. Им хотелось сейчас лишь одного – чтобы Костя добрался до того берега, чтобы немцы промахнулись». (С. 22-24)

«У классной доски» (6+)

15. Катаев Валентин Петрович

Катаев, Валентин. Сын полка / Валентин Катаев. – Москва : АСТ, 2014. – 254 с. – Текст : непосредственный.

«Ваня вышел из штабного блиндажа и побежал назад. Только теперь он заметил, что бой идёт не только на той высоте, где находился капитан Енакиев.

Теперь бой уже шёл по всему фронту, медленно перемещаясь на запад.

Ваня бежал, а мимо него, обгоняя, проносились грузовики мотомеханизированной пехоты; танки косо переваливались через глубокие канавы, как утки; на вид медленно, а на самом деле быстро двигались, скрежеща гусеницами, самоходные пушки; бежали со своими палками и катушками телефонисты, наращивая свои линии; ехал на прыгающем «виллисе» генерал в дымчатой папаше с красным верхом, держа перед глазами карту, развёрнутую, как газета.

Словом, всё вокруг перемещалось, всё было в движении, всё торопилось вперёд. Ваня с трудом узнавал знакомую местность, которая, казалось, тоже переменилась, стала какой-то чужой, странной. Ваня не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он оставил своё оружие. Ему казалось, что прошло несколько минут. На самом деле прошло несколько часов. Он думал, что на высоте продолжается бой, и очень торопился.

Он не знал, что там уже давно всё кончено: танки уничтожены, атака отбита, взятая высота закреплена, а то место, где стояли пушки, уже находится почти в тылу. И тем более он не знал, как это всё случилось. Он не знал, что две пушки капитана Енакиева и остатки батальона Ахунбаева, расстреляв все патроны, в течение сорока минут отбивались от окружавших их немцев ручными гранатами, а когда не стало гранат, то они дрались штыками, лопатами, чем попало. Но так как немцы продолжали наседали, то капитан Енакиев позвонил в дивизион и вызвал огонь батарей дивизиона на себя.

Ничего этого Ваня не знал. Но необъяснимая тревога мало-помалу охватила его душу, когда он стал приближаться к знакомому месту.

Впрочем, это место тоже теперь было незнакомым. Ваня с трудом узнавал его.

Вот позиция, откуда они первый раз стреляли прямой наводкой. Ваня узнал её только по куче картофельной ботвы, немного сбитой набок, когда на неё взбирался капитан Енакиев. Возле этой кучи раньше лежал пустой расколовшийся ящик от патронов. Он и сейчас лежал здесь. Но теперь из него кто-то неизвестно зачем вынул внутренние перегородки с луночками для патронов и бросил их тут же, на замёрзшую землю.

Больше ничего знакомого не было. Главное, не было тех людей, которые тогда здесь находились и которые-то и делали это место знакомым.

Мальчик пошёл дальше.

На том поле, где раньше лежала в цепи пехота Ахунбаева, теперь дымился обугленный грузовик, со всех сторон окружённый взорвавшимися и разлетевшимися орудийными патронами. И Ваня понял, что это был грузовик, который, наверное, пытался подвезти капитану Енакиеву патроны.

Ещё дальше Ваня увидел два разбитых немецких танка, которых тут раньше не было. Из одного развороченного танка торчала нога в серой обгоревшей обмотке и в толстом башмаке, подбитом стёршимися железными гвоздиками. Возле другого танка, с расщеплённым орудийным стволом, в

воронке валялась какая-то треснувшая склянка, похожая на электрическую лампочку. Из этой склянки медленно вытекала густая прозрачная жидкость, горя неподвижным пламенем — жёлтым и неярким, как фосфор.

Дальше всё поле было изрыто воронками. Большие и маленькие воронки так близко находились одна от другой, что между ними невозможно было найти ровного места, чтобы поставить ногу. Всё время приходилось опускаться вниз и подниматься вверх. Ваня прошёл по этому полю шагов тридцать и совсем устал.

Горячий пот покрывал его голову под тяжёлым шлемом. Тяжёлая шинель давила на плечи.

Несколько незнакомых артиллеристов прошли мимо Вани. На спине у одного из них был зелёный ящик с зелёной антенной, похожей на камышинку с тремя узкими листьями.

Проехал незнакомый артиллерийский капитан на незнакомой рослой вороной кобыле и за ним — незнакомый разведчик с автоматом на шее.

Всё вокруг было незнакомым, чужим под этим сумрачным, низким небом, откуда холодный ветер нёс первые снежинки.

И вдруг Ваня увидел свою пушку. Она стояла немного накренившись, и вместо одного колёса, которого почему-то не было, её подпирало несколько ящиков от патронов, поставленных один на другой. Недалеко от пушки стоял грузовик с откинутым бортом, и несколько человек в него что-то осторожно грузили.

С замершим, почти остановившимся сердцем мальчик подошёл ближе.

Поле против пушки было покрыто немецкими трупами. Всюду валялись кучи стреляных гильз, пулемётные ленты, растоптанные взрыватели, окровавленные лопаты, вещевые мешки, раздавленные гильзы, порванные письма, документы.

И на лафете знакомой пушки, которая одна среди этого общего уничтожения казалась сравнительно мало пострадавшей, сидел капитан Енакиев, низко свесив голову и руки и боком, всем телом повалившись на открытый затвор». (С. 236-240)

«Сын полка» (12+)

16. Космодемьянская Любовь Тимофеевна

Космодемьянская, Л. Повесть о Зое и Шуре / Л. Космодемьянская. — Москва : Детская литература, 2023. — 318 с. — (Школьная библиотека). — Текст : непосредственный.

«Зою одели, и хозяева помогли ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь повесили отобранные у неё бутылки с бензином и доску с

надписью: "Поджигатель". Так и вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружали десятеро конных с саблями наголо, больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлёй были поставлены один на другой два ящика. Девушку приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего кодака. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак подождать.

Зоя воспользовалась этим и, обращаясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом:

– Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист замахнулся и хотел то ли ударить её, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

– Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье – умереть за свой народ!

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать её сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

– Абёр дох шнеллер! [Поскорее!]

Тогда Зоя повернулась в сторону коменданта и крикнула ему и немецким солдатам:

– Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен: всё равно победа будет за нами!

Палач подтянул верёвку, и петля сдавила Зоино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

– Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь...

Палач упёрся кованым башмаком в ящик, который закрипел по скользкому, утопанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...» (С. 264-266)

«Повесть о Зое и Шуре» (12+)

17. Лавренёв Борис Андреевич

Лавренёв, Б. Разведчик Вихров : Рассказы / Б. Лавренёв. – Москва : Детская литература, 1991. – 64 с. – Текст : непосредственный.

«Коля отступил и с нескрываемой гордостью, приложив руку к шапке, доложил:

– Товарищ капитан, разведчик батареи Николай Вихров боевое задание выполнил.

– Молодец, Николай Вихров, – сказал капитан, – благодарю за службу!

Подошедшая женщина с потухшими глазами и усталой улыбкой застенчиво протянула руку капитану.

– Здравствуйте! Он так вас ждал! Так ждал... Мы все ждали. Спасибо вам, родные!

Она поклонилась капитану глубоким русским поклоном. Коля переводил взгляд с матери на капитана и улыбался.

– Отлично справился!.. А небось страшновато было на чердаке, когда снаряды посыпались? – спросил капитан, привлекая его к себе.

– Ой! Как ещё страшно, товарищ капитан, – ответил мальчик чистосердечно-наивно, – как первые снаряды ударили – всё зашаталось, вот-вот провалится. Я чуть с чердака не махнул.

Только стыдно стало. Дрожу, а сам себе говорю: «Сиди! Сиди! Не имеешь права!» Так и досидел, пока боезапас рванул... Тогда сам не помню, как вниз скатился!

Он захлебнулся от наплыва ощущений, сконфузился и уткнулся лицом в полушубок капитана, маленький русский человек, тринадцатилетний герой с большим сердцем, сердцем своего народа. (С. 48-49)

«Разведчик Вихров» (6+)

18. Митяев Анатолий Васильевич

Митяев, А. Подвиг солдата / А. Митяев. – Санкт-Петербург – Москва : Издательство «Речь», 2018. – 112 с. – (Вот как это было). – Текст : непосредственный.

«Полковник, человек строгий, но, судя по глазам, и весёлый, увидев перед собой совсем молодого солдата, подошёл к Глебу и спросил, как отец спрашивает сына:

– Страшно было?

– Страшно, – ответил Глеб. – Струсил я.

– Это он-то струсил! – закричал вдруг задорным голосом полковник. – На нём танк фокстрот танцевал, а он танцы перетерпел и изуродовал немцам машину, как бог черепаху. Нет, ты скажи прямо, не скромничай, – не боялся ведь?

– Струсил, – снова сказал Глеб. – Я танк случайно подбил.

– Вот, слышите? – закричал полковник. – Вот молодец! Да кто бы тебе поверил, если бы сказал – не струсил. Как же не бояться, когда на тебя одного такая штука лезет! Но насчёт случайности ты, сынок, ошибаешься. Подбил ты его закономерно. Ты в себе страх переборол. Загнал свой страх в башмаки под пятки. Тогда уж и целился смело, и смело стрелял. За подвиг тебе полагается орден Красной Звезды. Дырочку на гимнастёрке что же не проткнул? Имей в виду, как ещё танк сожжёшь, так протыкай дырочку – будет ещё орден». (С. 58-60)

«Длинное ружьё» (6+)

19. Надеждина Надежда Августиновна

Надеждина, Надежда. Партизанка Лара / Надежда Надеждина. – Москва : Детская литература, 2005. – 170 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Ей было отвратительно их прикосновение, а главное, она боялась, что они обнаружат гранату, спрятанную в рукаве.

Что ж, если её рукам не придётся больше носить книги в школу, то бросить гранату они сумеют. Только, конечно, не здесь. Здесь Валя, хозяйка, дети... Она не погубит своих.

Лара простилась с ними молча, одними глазами. Застывший у двери мальчик своими вихрами напомнил ей Мишку. Проходя мимо, она украдкой погладила его по голове.

Офицер сказал, что надо обыскать арестованную, и конвой отвел девочку в соседнюю избу.

Там никого не было, кроме лежавшей на печке старухи. Свесив седую голову, она молча смотрела на немцев усталыми, выцветшими от слёз глазами.

«Надо отойти подальше и бросить так, чтоб не убило бабушку», – подумала Лара.

Она наметила себе место: у окна в заднем углу избы.

Мимоходом девочка бросила быстрый взгляд в окно, и ей этого было достаточно. Она успела заметить, что по огороду бегут, спотыкаясь, трое: бежит Валя, бежит мальчик, бежит хозяйка с малышкой на руках.

Они спаслись. Все спаслись: и малышка, и этот вихрастый мальчонка. Они будут жить. Как хорошо!

Чтобы заслонить их, Лара стала к окну спиной и прощальным взглядом обвела горницу. Стены были оклеены старыми, пожелтевшими от времени газетами.

Девочке бросилось в глаза напечатанное крупными буквами слово «концерт».

Шесть лет назад Лара впервые в жизни попала на концерт. Её не хотели пускать: ну что она поймёт, ей будет скучно – мала! И верно, сперва было непонятно: почему потушили свет в зале, когда смотреть не на что, никакого представления на сцене нет.

Но вот заиграл оркестр, и девочке показалось, что зал вновь засиял, даже ещё ярче, чем прежде, что со сцены в зал волнами льётся невидимый, удивительный свет. Этим светом была сама музыка.

Девочке и сейчас почудилось, что она слышит те же сверкающие, гордые, величественные звуки. Они заполняют всё, как разливающаяся по небу заря. Это музыка победы, музыка торжества.

Всё равно будет по-нашему на нашей земле!

– Показывай, что у тебя в карманах! – крикнул офицер.

– Гляди! – широко размахнувшись, Лара швырнула гранату.

Немцы попадали на пол.

Старуха на печке покорно закрыла глаза:

«Слава тебе, Боже! Всем моим мученьям конец».

Но, не услышав грохота взрыва, старуха с удивлением снова открыла глаза. Она увидела, что маленькая партизанка, смертельно бледная, стоит, бессильно прислонившись к стене.

Солдаты вскочили с пола и бросились бить девочку.

Валина граната не взорвалась» (С. 163-165)

«Партизанка Лара» (6+)

20. Нечаев Юрий Николаевич

Светлячок: Рассказы, стихи и сказки для детей. – Тула : Приокское книжное издательство, 1987. – 136 с. – Текст : непосредственный.

«И снова вспыхнул сначала один, затем второй, потом ещё два «тигра». И захватчики не выдержали – бронированные машины отступили перед советскими артиллеристами, перед солдатским мужеством.

Капитан знал, что эта передышка продлится недолго. Они ещё вернутся. Вернутся, чтобы уничтожить вставшие на их пути батареи. Но время, время идёт, и ради него надо стоять насмерть.

И танки вернулись. Но на этот раз фашисты решили действовать по-другому: они двинулись на непокорные батареи сразу с трёх сторон.

Командир понял замысел врага и приказал развернуть часть орудий. Залпы слились в один оглушительный грохот. И снова завертелся на месте с разорванной гусеницей танк, за ним встал другой, третий...

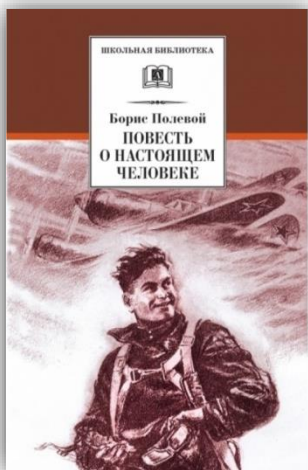
Бойцы потеряли счёт времени...Они видели перед собой только движущиеся громады грозных «тигров», выискивали на их бронированных телах наиболее уязвимые места и выпускали снаряд за снарядом.

Когда к вечеру гитлеровцы опять отступили, поле боя было сплошь усеяно десятками изуродованных машин.

За этот бой с фашистскими танками командир артиллерийского дивизиона капитан Иван Криклий, командир батареи старший сержант Алексей Смирнов и боец Алексей Кулинец были награждены орденами Отечественной войны. Они стали первыми кавалерами этого боевого ордена». (С. 131)

«Орден сурового времени» (6+)

21. Полевой Борис Николаевич

Полевой, Б. Повесть о настоящем человеке / Б. Полевой. – Москва : Детская литература, 1971. – 318 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«— Сегодня двадцать девятое апреля, день его рождения. Ему исполнилось, нет, должно было исполниться тридцать шесть лет, — тихо сказал профессор.

С большим усилием Комиссар выпростал из-под одеяла огромную, распухшую руку и положил её на руку Василия Васильевича. И случилось невероятное: профессор заплакал. Было невыносимо видеть, как плачет этот большой, сильный, волевой человек. Алексей невольно втянул голову в плечи и закрылся одеялом.

— Перед тем как ехать туда, он пришёл ко мне. Он сказал, что записался в ополчение, и спросил, кому передать дела. Он работал тут, у меня. Я был так поражён, что даже накричал на него. Я не понимал, зачем кандидату медицины, талантливому учёному нужно было брать винтовку. Но он сказал — я помню это слово в слово, — он сказал мне: "Папа, бывает время, когда кандидат медицины должен брать винтовку". Он так сказал и опять спросил: "Кому сдавать дела?" Мне стоило только поднять телефонную трубку — и ничего, ничего бы не случилось, понимаете — ничего! Ведь он же заведовал у меня отделением, он работал в военном госпитале... Ведь так?

Василий Васильевич замолчал. Было слышно, как он тяжело и хрипло дышит.

– ...Не надо, голубчик, что вы, что вы, уберите руку, я знаю, как вам больно шевелиться... Да, и я думал всю ночь, как быть. Вы понимаете, мне было известно, что ещё у одного человека – вы знаете, о ком я говорю, – был сын, офицер, и его убили в первые дни войны! И вы знаете, что сделал этот отец? Он послал на фронт второго сына, послал лётчиком-истребителем – на самую опасную воинскую специальность... Я думал тогда об этом человеке, мне стало стыдно своих мыслей, и я не позвонил по телефону...

– А сейчас жалеете?

– Нет. Разве это называется сожалением? Я хожу и думаю: неужели я убийца своего единственного сына? Ведь он мог быть сейчас здесь, со мной, и мы бы оба делали с ним очень полезные для страны дела. Ведь это же был настоящий талант – живой, смелый, сверкающий. Он мог стать гордостью советской медицины... если бы мне тогда позвонить!

– Вы жалеете, что не позвонили?

– О чём вы? Ах, да... Не знаю, не знаю.

– А если бы теперь всё повторилось снова, вы сделали бы иначе?

Наступило молчание. Слышалось ровное дыхание спящих. Ритмично поскрипывала кровать – очевидно, профессор в тяжёлом раздумье раскачивался из стороны в сторону, – да в батареях парового отопления глухо постукивала вода.

– Так как же? – спросил Комиссар, и в голосе его чувствовалась бесконечная теплота.

– Не знаю... На ваш вопрос сразу не ответишь. Не знаю, но, кажется, повторись всё сначала, я поступил бы так же. Я же не лучше, но и не хуже других отцов... Какая это страшная вещь – война...

– И поверьте, другим отцам при страшной вести было не легче вашего. Нет, не легче.

Василий Васильевич долго сидел молча. О чём он думал, какие мысли ползли в эти тягучие минуты под его высоким морщинистым лбом?

– Да, вы правы, ему было не легче, и всё-таки он послал второго... Спасибо, голубчик, спасибо, родной! Эх! Что там толковать...» (С. 122-123)

«Повесть о настоящем человеке» (12+)

«Вечером этого дня в опустевшую сорок вторую принесли новичка. Это был лётчик-истребитель, майор Павел Иванович Стручков, из дивизии воздушного прикрытия столицы. В праздник немцы решили совершить на Москву большой налёт. Их соединения, двигавшиеся несколькими эшелонами, были перехвачены и после жёсткого сражения разбиты где-то в районе Подсолнечной, и только один "юнкерс" прорвался сквозь кольцо и, набирая высоту, продолжал путь к столице. Экипаж его решил, должно быть, любой ценой выполнить задание, чтобы омрачить праздник. Вот за ним-то, заметив его ещё в суматохе воздушного боя, и погнался Стручков. Он летел

на великолепной советской машине — из тех, какими начала тогда переоснащаться истребительная авиация. Он настиг немца высоко, в шести километрах над землей, уже над подмосковной дачной местностью, сумел ловко подобраться к его хвосту и, поймав врага в целик, нажал гашетку. Нажал и удивился, не услышав знакомого тарахтенья. Спусковой механизм отказал.

Немец шёл чуть впереди. Стручков тянулся за ним, держась в мёртвой зоне, прикрытый килем его хвоста от двух пулемётов, защищавших бомбардировщик сзади. В свете чистого майского утра Москва уже вырисовывалась неясно на горизонте ворохом серых громад, затянутых дымкой. И Стручков решился. Расстегнул ремни, откинул колпак и сам как-то весь поджался, напряг все мускулы, будто готовясь прыгнуть на немца. Точно приладив ход своей машины к ходу бомбардировщика, он прицелился. Мгновение они висели в воздухе рядом, один позади другого, словно близко привязанные друг к другу невидимой нитью. Стручков чётко видел в прозрачном колпаке "юнкерса" глаза немецкого башенного стрелка, следившего за каждым его манёвром и выжидавшего, когда хоть кусок его крыла выйдет из мёртвой зоны. Он видел, как от волнения немец сорвал с себя шлем, и даже различил цвет его волос, русых и длинных, спадавших на лоб сосульками. Чёрные рыльца спаренного крупнокалиберного пулемёта неотрывно смотрели в сторону Струčkова и пошевеливались, как живые, выжидая. На мгновение Стручков почувствовал себя безоружным человеком, на которого вор наставил пистолет. И он сделал то, что делают в таких случаях смелые безоружные люди. Он сам бросился на врага, но не с кулаками, как это сделал бы на земле, — он бросил вперёд свой самолёт, нацелившись сверкающим кругом своего винта в хвостовое оперение немца.

Он даже не услышал треска. В следующее мгновение, подброшенный страшным толчком, он почувствовал, что перевёртывается в воздухе. Земля пронеслась у него над головой и, став на место, со свистом ринулась ему навстречу, ярко-зелёная и сияющая. Тогда он рванул кольцо парашюта. Но прежде чем без сознания повиснуть на стропах, краем глаза он успел заметить, что рядом, вращаясь, как кленовый лист, сорванный осенним ветром, обгоняя его, несётся вниз сигарообразная туша "юнкерса" с отрубленным хвостом. Струčkова, бессильно раскачивавшегося на стропах, крепко ударило о крышу дома, и он без сознания упал на праздничную улицу московского пригорода, жители которого с земли наблюдали его великолепный таран. Они подхватили его, отнесли в ближайший дом. Прилегающие улицы сразу же заполнила такая толпа, что вызванный врач еле пробрался к крыльцу. От удара о крышу у лётчика оказались повреждёнными коленные чашечки.

Весть о подвиге майора Струčkова была немедленно передана по радио специальным выпуском "Последних известий". Председатель Моссовета сам провожал его в лучший госпиталь столицы. И когда Струčkова доставили в

палату, вслед за ним санитарки внесли цветы, кульки с фруктами, коробки конфет – дары благодарных москвичей». (С. 136-138)

«Повесть о настоящем человеке» (12+)

«– Ну, замёрз? Меня сквозь унты ух как прохватило! А ты, на-ка, в ботиночках. Не замёрзли ноги?

– У меня нет ног, – ответил курсант, продолжая улыбаться своим мыслям.

– Что? – Подвижное лицо Наумова вытянулось.

– У меня нет ног, – повторил Мересьев отчётливо.

– То есть как это «нет ног»? Как это понимать? Больные, что ли?

– Да нет – и всё... Протезы.

Мгновение Наумов стоял точно пригвождённый к месту ударом молотка по голове. То, что ему сказал этот странный парень, было совершенно невероятным. Как это нет ног? Но ведь он только что летал, и неплохо летал...

– Покажи, – сказал инструктор с каким-то страхом.

Алексея это любопытство не возмутило и не оскорбило. Наоборот, ему захотелось окончательно удивить смешного, весёлого человека, и он движением циркового фокусника разом поднял обе штанины.

Курсант стоял на протезах из кожи и алюминия, стоял и весело смотрел на инструктора, механика и ожидавших очереди на полёты.

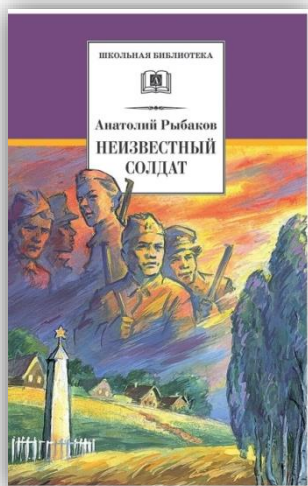
Наумов сразу понял и волнение этого человека, и необыкновенное выражение его лица, и слёзы в его чёрных глазах, и ту жадность, с какой он хотел продлить ощущение полёта. Курсант его поразил. Наумов бросился к нему и бешено затряс его руки.

– Родной, да как же?... Да ты... ты просто даже не знаешь, какой ты есть человек!..

Теперь главное было сделано. Сердце инструктора завоевано. Вечером они встретились и вместе составили план тренировки. Сошлись на том, что положение Алексея трудное, малейшая ошибка может привести к тому, что ему навсегда запретят водить самолёт, и, хотя именно теперь ему больше, чем когда бы то ни было, хотелось скорее пересест на истребитель, лететь туда, куда устремлялись сейчас лучшие воины страны – к знаменитому городу на Волге, – он согласился тренироваться терпеливо, последовательно и всесторонне. Он понимал, что в его положении он может бить только «в яблочко»». (С. 223-224)

«Повесть о настоящем человеке» (12+)

22. Рыбаков Анатолий Наумович

Рыбаков, А. Н. Неизвестный солдат / А. Н. Рыбаков. – Текст : электронный // Данинград. Сайт для детей и родителей. Читаем книги онлайн. Классика. Книги для детей. – URL : <https://daningrad.ru/neizvestnyy-soldat-anatoliy-rybakov> (дата обращения: 25.06.2024).

« – А как фамилия солдата, кто он такой? – спросил я.

– И, милый... Кабы знала я его фамилию. Нету у него фамилии. Знаем только: закидал гранатами немецкий штаб, разгромил вчистую.

Я с удивлением посмотрел на неё. Такой героический поступок не мог остаться неизвестным. А вот никто, кроме неё, о нём не знает. Выдумывает, наверно. Выдумывает, что танцевала шейк, которого тогда и в помине не было. О сверчке мечтает.

– Пригнали нас ночью, – продолжала между тем Софья Павловна, – он ничком лежал; выкопали мы яму, они его туда и спихнули. Мужчина был представительный, высокий – яму длинную копали... Ходили мы с подругами, и одна я ходила, а теперь душа болит: лежит один в чистом поле, а что делать? Найдутся, думаю, добрые люди, доглядят. Школьники вот... Какие вещи после него остались, всё им передала».

«Неизвестный солдат» (16+)

« – Видите ли, – сказал я, – один из этих солдат, по-видимому, старшина... – Я поднял глаза на Стручкова, он с интересом слушал меня. – По-видимому, старшина, – повторил я, – разгромил немецкий штаб, закидал его гранатами, вывел из строя большое количество техники и живой силы противника. – Это уж я прибавил от себя. – Немцы его убили. Похоронили его наши женщины, они и нашли у него эту фотографию.

Стручков сидел с замкнутым, бесстрастным лицом. Мой рассказ, видимо, его поразил.

Секретарша внесла на подносе чай. Но, остановленная взглядом Стручкова, попятилась обратно и исчезла за дверью вместе с подносом.

– При строительстве дороги мы наткнулись на его могилу, – продолжал я. – Мы её перенесли, поставили обелиск, но фамилии солдата не знаем. Где его родные, знают ли, как он погиб, – ничего это не известно. Может быть, им сообщили, что он дезертир?

Я не хотел огорчать Стручкова, как и он не хотел огорчать меня. Но всё же ужасно обидно за солдата».

«Неизвестный солдат» (16+)

«Он ждал, хотя и понимал, что план его невыполним: они услышат, как он пройдёт по улице, как будет перелезать через забор, только подставит себя под пулю, наведёт на след Краюшкина. Надо уходить в лес; утром колонна уйдёт, улица будет свободна, он придёт ночью и заберёт Краюшкина.

И всё же он не уходил, ждал: вдруг представится случай? Он рассчитывал на смену караула: уж один-то из них обязательно уйдёт будить новых часовых, а может, и оба уйдут.

Было уже поздно метнуться в переулок, когда открылась дверь дома и на крыльцо вышел немец в форме, с автоматом, чуть поёжился, передёрнул плечами, посмотрел на Бокарева, различая только его фигуру рядом с машиной и, видно, не понимая и не соображая, что это за человек.

Так они стояли некоторое время и смотрели друг на друга. Часовые уже подходили, Бокарев спиной слышал их приближение. Он мог застрелить немца на крыльце, броситься в переулок, но те двое тогда достанут его пулями.

И он стоял и ждал, когда они подойдут, и смотрел на немца на крыльце, и немец смотрел на него, вдруг сообразив, что перед ним русский, оцепенев от неожиданности и тоже дожидаясь, когда подойдут те двое, понимая, что одного его движения будет достаточно, чтобы русский его пристрелил, прежде чем он сам снимет автомат: у русского автомат в руках.

Бокарев выстрелил в ту минуту, когда оба часовые показались из-за машины, сначала в немца на крыльце, потом по часовым и бросился в переулок, но упал: раненый немец дал по нему очередь. И, уже лежа на земле и слыша вокруг себя свист пуль, он повернулся, вытащил гранату, размахнулся и кинул её в машину.

Взрыв, потрясший небо, – было последнее, что услышал Бокарев!»

«Неизвестный солдат» (16+)

«Колонна двигалась далеко впереди него, она была уже возле шлагбаума, а он, Краюшкин, шёл посередине улицы – обросший, худой, помятый, похожий на пленных, которых гонят впереди.

И немцы приняли его за пленного, отставшего от колонны. Их обмануло то, как спокойно, уверенно, на глазах у всех шёл он по улице.

– Алло, рус! – окликнули его.

Но Краюшкин не ответил, не оглянулся, шёл как оглушённый.

Генерал что-то сказал рядом стоящему офицеру. Тот направился к Краюшкину.

Но не дошёл.

Первую гранату Краюшкин метнул налево – в генерала, вторую направо – в немцев, стоящих у машин.

Упал генерал, упали офицеры и солдаты, другие бросились за угол дома, за машины.

Краюшкин шёл посередине улицы и бросал гранаты... Направо! Налево! Одна! Другая! Третья!.. Шёл, освещённый багрянцем заката, и бросал по сторонам гранаты, неуязвимый для пуль, точно заговоренный символ нестигаемой и непокорённой страны...

И наконец упал...

И тогда немцы побежали к нему.

Он приподнялся и дал по ним последнюю очередь из автомата и приник к земле, убитый, не видя уже никого – ни пленных, бегущих в лес; ни немцев, стреляющих по нему, по мёртвому; ни солнца – оно склонилось совсем низко, почти к самому горизонту; ни дубов – их длинные тени пересекли улицу, где нашёл свою смерть Краюшкин».

«Неизвестный солдат» (16+)

23. Сегель Яков Александрович

Сегель, Яков. Коля из села Снегири : Повесть / Яков Сегель. – Москва : Детская литература, 1985. – 126 с. – Текст : непосредственный.

«Ещё в самом начале войны, когда фашистские самолёты по ночам бомбили Москву, среди наших лётчиков храбро сражался в воздухе один паренёк. Звали его Витя, фамилия – Талалихин. Однажды в ночном бою у него кончились все патроны, а вражеский самолёт уже прорвался к Москве, чтобы сбросить там свои смертоносные бомбы.

И тогда этот паренёк, Витя Талалихин, направил свой маленький истребитель прямо на огромный вражеский бомбардировщик. Стрелять Вите было нечем, и он ударил своим самолётом фашиста в хвост.

Бомбардировщик рухнул на землю и взорвался на тех самых бомбах, которые приготовил для мирных жителей.

Наш истребитель тоже упал, но Витя в ту ночь успел спастись на парашюте.

Наутро вся страна узнала о замечательном подвиге Виктора Талалихина, которому присвоили звание Героя Советского Союза.

Теперь и Николай Яковлевич знал, что ему делать.

Мотор его бескрылого самолётика уже работал. Сейчас... Сейчас и он кое-что попробует. Только бы успеть, только бы успеть.

Коля снова вспомнил о Викторе Талалихине.

– Ну погоди! – прошептал он и до конца повернул рукоятку газа вперёд. Маленький бескрылый самолёт тронулся с места и начал разгоняться.

А тяжёлая фашистская машина уже выруливала на бетонную полосу. Сейчас она разгонится и взлетит, и значит, удерут враги, которым нельзя позволить удрать.

Громадный фашистский самолёт бежал по бетону, всё увеличивая скорость, а лёгонькая Колина бескрылка спешила, торопилась ему наперерез. Кто быстрее?! Кто быстрее?! Кто быстрее?!!

Фашисты думали, что они всех перехитрили и уже никто им не помешает скрыться.

"Только бы скорее взлететь!" – думали они. Ведь эти фашисты хорошо понимали, что если их поймают, то обязательно станут судить, а потом строго накажут за всё зло, которое они причинили людям.

Теперь Колина бескрылка подпрыгивала по траве совсем рядом с бетонной полосой, а по гладкому бетону стремительно разгонялся фашистский самолёт.

В эти секунды Коля даже не думал об опасности.

Он уже было решил обогнать самолёт врага, выкатиться перед его носом и преградить путь беглецам, но тут же раздумал: а вдруг его самолётик проскочит мимо и тогда фашисты смогут взлететь?!

"Нет, – быстро соображал Коля. – Надо как-то по-другому..."

Сейчас оба самолёта катились рядом друг с другом.

Внезапно прозрачный козырёк перед Колиными глазами прошили вражеские пули – это фашисты заметили Николая Яковлевича и открыли по нему огонь из автоматов.

И тут Коля поступил так, как Виктор Талалихин.

Правда, у Колиного самолёта не было крыльев, так ведь фашистская машина тоже ещё не оторвалась от земли.

Коля дал мотору самые большие обороты, и его маленькая бескрылка бросилась на самолёт врага.

На миг Коля увидел перепуганные лица фашистов. Потом их знак свастику, похожую на раскоряченного паука, сидящего в белом кругу на хвосте самолёта.

Наверное, такого же отвратительного паука увидел в московском небе Виктор Талалихин, когда бросил свой истребитель на вражеский бомбардировщик.

И маленькая бескрылка отчаянно врезалась в огромный хвост фашистского самолёта, ударила по свастике винтом, мотором, всей своей небольшой тяжестью.

Коля успел услышать грохот, треск, успел почувствовать запах горелого металла, в лицо ему плеснуло горячее масло, он ударился обо что-то головой и... потерял сознание.

Очнулся он уже на зелёной траве». (С. 80-84)

«Коля из села Снегири» (6+)

24. Стрехнин Юрий Фёдорович

Стрехнин, Ю. Про отряд Бороды : Рассказы / Ю. Стрехнин. – Москва : Детская литература, 1974. – 160 с. – Текст : непосредственный.

«Юсупов, а за ним четыре матроса рванулись ко второму дзоту. Подбежав к амбразуре сбоку, бросили несколько гранат. Они разорвались перед амбразурой, её завалило. Но тотчас же пулемёт застучал из другой амбразуры. Его огонь не давал приблизиться к ней на бросок гранаты. Но разве отступят матросы? Приказ должен быть выполнен.

– Обождите, я один! – остановил товарищей Юсупов и, стиснув в руке гранату, пополз по траве.

Он сумел подобраться к дзоту с той стороны, откуда его не мог заметить вражеский пулемётчик. Вскоре товарищи увидели, что Юсупов всполз на дзот, лежит почти над амбразурой и опускает к её верхнему краю руку с гранатой, чтобы забросить её внутрь. Но дотянуться ему трудно. Вот Юсупов подвинулся, спустился ещё ниже, вот он почти свесился над амбразурой... Взмах руки – и Юсупов рванулся назад, оберегаясь от своей гранаты. Глухой взрыв перед амбразурой. Юсупов спрыгнул с дзота, махнул товарищам: «Всё в порядке!» И в тот же миг из амбразуры – очередь, прямо по Юсупову!

– Сайфулла! – вскрикнул Калганов.

Юсупов ещё держался на ногах. Последним усилием он бросился на амбразуру.

Товарищи Юсупова ринулись к дзоту – уже не мог стрелять пулемёт из амбразуры, закрытой телом Сайфуллы. Несколько автоматных очередей – и с гитлеровцами, уцелевшими в дзоте после взрыва юсуповской гранаты, было покончено.

Но пока разведчики пробивались между двумя огневыми точками, их настигли немецкие автоматчики.

Отстреливаясь, прикрывая друг друга огнём, Калганов и его матросы продолжали отходить.

Совсем уже близко начиналась «ничейная» полоса между нашими и вражескими позициями. Осталось только пройти через устроенный немцами лесной завал из огромных сосен, сцепившихся ветвями. Преодолеть эту преграду, а там до своих рукой подать.

Кому-то надо, хотя бы на несколько минут, задержать врага, пока остальные проберутся через завал.

– Я, ребята! – вызвался Юначёв.

Он забежал в пустой немецкий окопчик вблизи того блиндажа, у которого погиб Юсупов, и открыл по преследователям огонь из автомата. Но врагов было много. Перебегая между кустами и деревьями, они приближались. Вот уже, крутясь в воздухе, летит на Юначёва немецкая граната с длинной деревянной ручкой. Она ударяется о бруствер, осыпая землю, катится в окоп...

Ловко подхватив гранату, Юначёв бросил её обратно. Следом туда, где в листве мелькали приплюснутые серо-зелёные каски, бросил и свою гранату.

Ещё две гранаты осталось у Юначёва. Он выждал, пока фашисты подбегут ближе, и только тогда метнул обе сразу... Немецкие автоматчики залегли.

Все остальные разведчики тем временем достигли завала. Пробираясь через наваленные и оплётённые колючей проволокой деревья было трудно да и небезопасно под пулями.

– Пойдём низом! – решил Калганов.

По его команде матросы начали проползать под стволами, между упёршимися в землю сучьями. Вскоре к ним присоединился Юначёв.

Калганов полз последним, проследив, чтобы сначала проползли все матросы. Он уже выбирался из-под завала, когда близ его головы что-то стукнуло о дерево и тотчас же раздалось резкое шипенье. «Граната!» Он мгновенно вдавился лицом в жёсткую, спалённую солнцем траву.

Очнулся в госпитале. Голова была забинтована, болела.

– Чудом уцелел! – сказал Калганову врач: граната, брошенная фашистами через завал, разорвалась возле головы, два ранения осколками – в затылок и в черепную кость». (С. 25-27)

«Про отряд Бороды» (6+)

25. Фадеев Александр Александрович

Фадеев, А. Молодая гвардия : Роман / А. Фадеев. – Москва : Детская литература, 1988. – 592 с. – Текст : непосредственный.

«К концу сентября организация «Молодая гвардия» на Первомайском руднике, вместе с «Восьмидомиками» и районом шахты № 1-бис, была уже одной из наиболее крупных подпольных групп молодёжи. Всё, что было наиболее деятельного среди молодёжи, учившейся в старших классах первомайской школы, было вовлечено в организацию.

Первомайцы установили свой радиоприёмник и выпускали сводки Информбюро и листовки, которые писали тушью на страничках школьных тетрадей.

Сколько переживаний было с этим радиоприёмником! В совершенно различных домах были обнаружены давно заброшенные, поломанные дешёвые радиоприёмники – и радиоприёмники выкрали. Борис Главан, молдаванин, бежавший с родителями из Бессарабии и осевший в Краснодоне, – в группе звали его «Алеко», – взялся сконструировать из них один хороший радиоприёмник. Но по дороге домой он был с отдельными частями аппаратов и лампочками схвачен на улице «полицаем».

Главан разговаривал в полиции только на румынском языке, кричал, что полиция лишает всю его семью средств к существованию, поскольку весь

этот материал нужен ему, чтобы делать зажигалки, и клялся, что он будет жаловаться командованию румынской армии: в Краснодоне всегда бывало на постое некоторое число румынских офицеров из проходящих частей. На квартире Главана было обнаружено несколько готовых зажигалок и несколько находящихся в производстве – он действительно подрабатывал на жизнь тем, что делал зажигалки. И полиция отпустила этого представителя союзной державы, хотя и отобрала у него части радиоприёмников. Но он всё-таки сделал радиоприёмник из тех частей, что ещё оставались.

Первомайцы имели самостоятельные связи с ближними хуторами через Лилю Иванихину, которая, оправившись после плена, пошла работать учительницей на хутор Суходол. Они были главными поставщиками оружия, которое собирали по степи, совершая иногда очень дальние походы в районы боев на Донце, и крали его у останавливавшихся на постой немецких и румынских солдат и офицеров. Оружие это, после того как все юноши первомайцы, члены организации, были вооружены, сдавалось Серёжке Тюленину и шло на склад, местонахождение которого было известно только Серёжке и ещё очень узкому кругу лиц.

Подобно тому как душою всей организации «Молодая гвардия» были Олег Кошевой и Иван Туркенич, а душою организации в посёлке Краснодон – Коля Сумской и Тоня Елисеенко, так душою организации на «Первомайке» были Уля Громова и Анатолий Попов.

Толя Попов был назначен штабом командиром первомайской группы, и с его организационными навыками, обрётёнными в комсомоле, и с присущей ему серьёзностью он привнёс во всё, что бы ни делала молодёжь «Первомайки», дух ответственной дисциплины и решительной смелости, опирающейся на исключительно слаженную работу всех ребят.

А Уля Громова была автором всех начинаний и автором большинства воззваний и листовок первомайцев. Только теперь стало видно, какой огромный моральный авторитет среди подруг и товарищей был накоплен этой девушкой ещё с той поры, когда, равная среди равных, она училась со всеми и ходила в степь, и пела и танцевала, как все, и читала стихи, и водила пионеров, – высокая, стройная девушка с тяжёлыми чёрными косами, с глазами, то брызжащими ясным сильным светом, то полными таинственной силы, скорее молчаливая, чем озорная, скорее ровная, чем страстная, но и та и другая вместе». (С. 423-424)

«Молодая гвардия» (16+)

« – А мы и сейчас заспиваем, ну их всех к чёртовой матери! – воскликнула Саша Бондарева и, взмахнув тонкой смуглой своей рукой, запела:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд...

Девушки вставали со своих мест, подхватывали песню и грудились вокруг Саши. И песня, очень дружная, покатилась по тюрьме. Девушки услышали, как в соседней камере к ним присоединились мальчишки.

Дверь в камеру с шумом отворилась, и полицейский, с злым, испуганным лицом, зашипел:

– Да вы что, очумели? Замолчать!..

Этих дней не смолкнет слава,

Не померкнет никогда,

Партизанские отряды

Занимали города...

Полицейский захлопнул дверь и убежал.

Через некоторое время по коридору слышались тяжёлые шаги. Майстер Брюкнер, высокий, со своим низко опущенным тугим животом, с тёмными на жёлтом лице мешками под глазами и собравшимися на воротнике толстыми складками шеи, стоял в дверях, в руке его тряслась дымившая сигара.

– Platz nehmen! Ruhe!.. – вырвалось из него с таким резким оглушительным звуком, будто он стрелял из пугача.

... Как манящие огни,

Штурмовые ночи Спасска,

Волочаевские дни... –

пели девушки.

Жандармы и полицейские ворвались в камеры. В соседней камере, у мальчиков, завязалась драка. Девушки попадали на пол у стен камеры.

Любка, одна оставшись посредине, упёрла в бока свои маленькие руки и, прямо глядя перед собою жестокими, невидящими глазами, пошла прямо на Брюкнера, отбивая каблуками чечётку.

– А! Дочь чумы! – вскричал Брюкнер задыхаясь. Схватил своей большой рукой Любку и, выламывая ей руку, выволок из камеры». (С. 551)

«Молодая гвардия» (16+)

«Пусть мне шестнадцать лет, не я виноват в том, что мой жизненный путь оказался таким малым... Что может страшить меня? Смерть? Мучения? Я смогу вынести это... Конечно, я хотел бы умереть так, чтобы память обо мне осталась в сердцах людей. Но пусть я умру безвестным... Что ж, так умирают сейчас миллионы людей, так же, как и я, полные сил и любви к жизни. В чём я могу упрекнуть себя? Я не лгал, не искал лёгкого пути в жизни. Иногда был легкомыслен, — может быть, слаб от излишней доброты сердца... Милый Олежка-дролетка! Это не такая большая вина в шестнадцать лет... Я даже не изведаль всего счастья, какое было отпущено мне. И всё равно я счастлив! Счастлив, что не пресмыкался, как червь, — я боролся... Мама всегда говорила мне: «Орлик мой!..» Я не обману её веры и доверия товарищей. Пусть моя смерть будет так же чиста, как моя жизнь, — не стыжусь сказать себе это... Ты умрёшь достойно, Олежка-дролетка...»

Черты его лица разгладились, он лёг на подмёрзшем склизком полу, подмостив под голову шапку, и крепко уснул.

Он открыл глаза, почувствовав, что кто-то стоит над ним. Было утро.

Почти закрыв собой дверь в камеру, перед Олегом стоял в казачьей шинели, в польской конфедератке, едва налезавшей на крупную рыжую голову, плотный старик с большим сизым носом, в крупных рыжих веснушках по всему лицу, с слезящимися безумными глазами.

Олег сел на полу, с удивлением глядя на него.

– А я думаю, какой он такой, Кошевой?.. А он вон он какой... Гадёныш! Прохвост этакий!.. Жалко, что тебя гестапо будет учить, – у меня б тебе лучше было. Я бью в исключительных случаях... Так вон ты какой? Про тебя слава, как про Дубровского. Читал небось Пушкина? У, гадёныш!.. Жалко, что ты не у меня, – старик нагнулся к Олегу, прищурил один безумный слезящийся глаз и, дыша на Олега водкой, таинственно зашептал: – Ты думаешь, я почему так рано? — Он подмигнул уже совсем интимно и доверительно. – Сегодня отправляю партию туда... – Он покрутил набухшим пальцем куда-то в небо. – Пришёл с парикмахером всех побрить, я всегда брею перед этим, – шептал он. Он выпрямился, крикнул, поднял большой палец руки и сказал: – Культурненько!.. А ты пойдёшь по линии гестапо, не завидую тебе. Оревуар! – Он поднёс набухшую старческую руку к козырьку конфедератки и вышел, и кто-то захлопнул дверь камеры». (С. 558-559)

«Молодая гвардия» (16+)

26. Фонякова Элла Ефремовна

Фонякова, Элла. Хлеб той зимы / Элла Фонякова. – Санкт-Петербург; Москва : Речь, 2023. – 224 с. – (Вот как это было). – Текст : непосредственный.

«Ведущих предметов у нас в школе два: МПВО – местная противовоздушная оборона и противогаз. Мы уже знаем, как тушить зажигательную бомбу.

Например, стоишь ты на крыше своего собственного дома, глядишь в небо. Вдруг на тебя летит «зажигалка». Ни в коем случае не теряйся. Хватай в одну руку специальные щипцы – их на чердаке полным-полно, а в другую – фанерный щит.

И – боком, боком, как во время игры в «петушки», приближайся к этой заразе.

Хоп! Зажимай её хвост щипцами – и прямо в бочку с водой! Она пускает шип по-змеиному, вода брызжет в разные стороны, но ты ничего не бойся: самое страшное уже позади.

Мы с увлечением репетируем поединок с бомбой. Особенно здорово получается у Вольки Скворцова, разудалого парнишки с дерзкими глазами. Я

немного побаиваюсь Вольки, хотя втайне восхищена его лихостью. Он-то на меня – и это, разумеется, вполне естественно – ноль внимания.

Каждый из нас мечтает сразиться с бомбой и вымолить у родителей разрешение подежурить на крыше. Но это – увы! – не просто. Мне, например, папа прямо заявил, что всыплет куда следует, если я буду лезть не в свои дела. Мама на этот раз явно на его стороне. Хороши, нечего сказать! Сами всё время дежурят на крыше – то по очереди, а то и вместе... И ведь что обидно – они-то необученные, а меня специально учили! В школе! И я даже «отлично» заработала – пятёрку по-нынешнему.

С противогазом дела у меня похуже. Хвастать нечем. Но до чего же противен мне этот противогаз – п-ф-ф-ф-ф! Натянешь маску – серая скользкая резина безжалостно схватывает щёки и подбородок. Круглые очки-иллюминаторы моментально запотевают, дышать невозможно, длинный хобот-гармошка несуразно болтается, мешая повернуть голову... Но ничего не поделаешь – война» (С. 49-50)

«Хлеб той зимы» (12+)

«Худенький, какой-то совсем бесплотный мальчишка, одетый во что-то серое и мешковатое, неуверенно, поминутно озираясь, пробирается в толпе. Вот он примостился у прилавка, уткнувшись носом в самые весы. Его буравят недобрые, подозрительные взгляды.

– Тётенька, дайте довесочек, – еле слышно просит мальчишка у покупательницы.

– Не могу, мальчик, свои голодные...

– Тётенька, дайте довесочек...

– Парень, ступай лучше домой.

– Дайте довесочек...

– Ещё чего! Постыдился бы попрошайничать!

– Тётенька, дайте...

– Господи, горе-то, горе...

– Тётенька... Тётенька... Тётенька...

Тётеньки, не глядя другим в глаза, прячут в сумки свои пайки и быстро, не оглядываясь, выходят. В очереди всхлипывают.

– Продавец, дали бы ребёнку кусок, – находит кто-то выход.

Очередь волнуется, шумит.

– Дайте, ну что вам стоит!

– Сами дайте, если такие добрые! – зло отзывается продавщица.

Мой черёд приближается.

Я лихорадочно соображаю. Что мне-то делать? Триста семьдесят пять граммов на троих – это совсем мало. Дать довесок и дома сказать, что сама съела? Но ведь его и вправду можно съесть самой, а дома сказать, что отдала мальчику.

Как быть?

К моему великому облегчению, мальчишка вдруг отдирает свой бледный нос от прилавка, поворачивается и плетётся к двери.

Спасён мой довесок!

Только радости я почему-то не испытываю... Ещё немного медлю, потом, уже у самого выхода, догоняю мальчишку и сую ему в грязную цепкую ладошку треугольный обрезок мякиша...» (С. 73)

«Хлеб той зимы» (12+)

27. Шолохов Михаил Александрович

Шолохов, М. Судьба человека / М. Шолохов. – Москва : Советская Россия, 1979. – 127 с. – Текст : непосредственный.

«Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых тянутя. Достал я гирьку, открыл дверцу пошире. Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает, будто у жены под боком. Ну, я его тюкнул гирькой в левый висок. Он и голову уронил. Для верности я его ещё раз стукнул, но убивать до смерти не захотел. Мне его живого надо было доставить, он нашим должен был много кое-чего порассказать. Вынул я у него из кобуры «парабеллум», сунул себе в карман, монтировку вбил за спинку заднего сиденья, телефонный провод накинул на шею майору и завязал глухим узлом на монтировке. Это чтобы он не свалился на бок, не упал при быстрой езде. Скоренько напялил на себя мундир и пилотку, ну, и погнал машину напрямик туда, где земля гудит, где бой идёт.

Немецкий передний край проскакивал меж двух дзотов. Из блиндажа автоматчики выскочили, и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет. Но они крик подняли, руками махают, мол, туда ехать нельзя, а я будто не понимаю, подкинул газку и пошёл на все восемьдесят. Пока они опомнились и начали бить из пулемётов по машине, а я уже на ничьей земле между воронками петляю не хуже зайца.

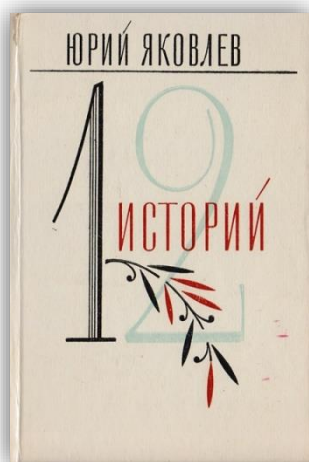
Тут немцы сзади бьют, а тут свои очертели, из автоматов мне навстречу строчат. В четырёх местах ветровое стекло пробили, радиатор пропороли пулями... Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую её, и дышать мне нечем...

Молодой парнишка, на гимнастёрке у него защитные погоны, каких я ещё в глаза не видал, первым подбегает ко мне, зубы скалит: «Ага, чёртов фриц, заблудился?» Рванул я с себя немецкий мундир, пилотку под ноги кинул и говорю ему: «Милый ты мой губошлёп! Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец? В плену я был, понятно? А сейчас

отвяжите этого борова, какой в машине сидит, возьмите его портфель и ведите меня к вашему командиру». Сдал я им пистолет и пошёл из рук в руки, а к вечеру очутился уже у полковника – командира дивизии. К этому времени меня и накормили, и в баню сводили, и допросили, и обмундирование выдали, так что явился я в блиндаж к полковнику, как и полагается, душой и телом чистый, и в полной форме. Полковник встал из-за стола, пошёл мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: «Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, какой привёз от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати «языков». Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде». А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдать: «Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть». Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: «Какой из тебя вояка, если ты на ногах еле держишься? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Подлечат тебя там, подкормят, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернёшься к нам, посмотрим, куда тебя определить». (С. 52-54)

«Судьба человека» (12+)

28. Яковлев Юрий Яковлевич

Яковлев, Ю. 12 историй / Ю. Яковлев. – Москва : Советская Россия, 1983. – 352 с. – Текст : непосредственный.

«Юный Шаров знал, что в верхнем ящике комода хранится обгорелый лоскуток боевого знамени. Его привёз с войны дедушка. Он ворвался в охваченный пламенем блиндаж, где все были убиты прямым попаданием снаряда, и вынес горящее полковое знамя...

Когда мальчик принёс в класс опалённую частичку знамени, ребята с замирающим сердцем разглядывали её и завидовали Шарову.

Ведь это его дедушка спас знамя!

А Баваклава никакого знамени не спасала, но в годы войны она выходила своего маленького сына – будущего отца юного Шарова. По ладожскому льду, едва живого, вывезла его из осаждённого Ленинграда, прикрывая собой от фашистских осколков и ледяного ветра.

В незнакомой Костромской области работала в колхозе, а после работы ещё косила сено и меняла его на молоко. На кружку молока для сына! Про неё местные говорили: «Ты, Клавдия, хоть и городская, но двужильная!» А она не была двужильной, едва волочила распухшие ноги, но шла. Шла, как солдат идёт в бой. Если б не эта кружка молока, сын бы не вытянул... Отец

часто вспоминает корову Милку, которая поила его молоком в голодные военные годы. А юный Шаров пьёт молоко не от коровы, а из магазина. Отрезает уголок картонной пирамидки ножницами и пьёт сколько хочет...» (С. 185)

«Баваклава» (12+)

«— Я хочу рассказать вам о бесстрашном герое, которого в партизанском отряде называли Зимородком. Зимородок и Сергей Иванович — одно лицо.

Умолкли голоса. Перестали скрипеть парты. В классе установилась тишина. Все смотрели на Марата.

— Когда нужно было взорвать мост, он полетел в тыл врага. А сам до этого никогда не прыгал с парашютом. Даже не знал, за что надо дёргать...

Марат рассказывал и не заметил, как дверь бесшумно отворилась и на пороге появился Сергей Иванович, обожжённый солнцем, всклокоченный, в брезентовом плаще с капюшоном, с рюкзаком за спиной. Он стоял в дверях и сжимал в руке серенькую кепку. И никто не заметил, что он пришёл. Все слушали Марата.

— Сергей Иванович добровольно пошёл на расстрел, чтобы спасти людей. И его расстреляли.

В классе послышался приглушённый гул.

— Но он остался жив.

Класс облегчённо вздохнул.

— И он умел свистеть иволгой.

И в это мгновение послышался тонкий переливчатый свист. Ребята повернулись и увидели Зимородка. И класс тихо встал.

— Здравствуйте, люди-человеки, — сказал учитель глуховатым голосом и закрыл за собой дверь. — Я немного опоздал и не успел умыться с дороги... Что же вы молчите?

Учитель огляделся и почувствовал ту знакомую неловкость, которая охватила его много лет назад, в партизанской школе. И он снова засвистел иволгой». (С. 82-83)

«Зимородок» (12+)

Список литературы и интернет-ресурсов

Алексеев, С. Идёт война народная / С. Алексеев. – Кишинёв : Литература артистикэ, 1989. – 416 с. – (Искорка). – Текст : непосредственный.

Алексеев, С. За мужество! : Рассказы о Великой Отечественной войне / С. Алексеев. – Москва : Издательство «ОНИКС-ЛИТ, 2014. – 20 с. – (Награды Великой Отечественной). – Текст : непосредственный.

Арсеньев, С. В. Ленка-пенка / С. В. Арсеньев. – Текст : электронный // ЛИТМИР. Электронная библиотека. – URL : <https://litmir.club/br/?b=146725> (дата обращения : 13.07.2924).

Бакланов, Григорий. Июль 41 года / Григорий Бакланов. – Москва : ВАРГИУС, 2004. – 350 с. – Текст : непосредственный.

Богомолов, В. Иван. Зося / В. Богомолов – Москва : Детская литература, 2001. – 191 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Бондарев, Ю. Горячий снег / Ю. Бондарев. – Москва : Военное издательство, 1984. – 336 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Быков, Василь. Обелиск. Сотников : Повести / Василь Быков. – Москва : Детская литература, 2004. – 271 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Васильев, Борис. А зори здесь тихие...В списках не значился. Встречный бой. Завтра была война : Повести / Борис Васильев. – Москва : Вече, 2004. – 446 с. – Текст : непосредственный.

Верейская, Е. Три девочки. История одной квартиры / Е. Верейская. – Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2021. – 224 с. – (Вот как это было). – Текст : непосредственный.

Веркин, Эдуард. Облачный полк / Эдуард Веркин. – Москва : КомпасГид, 2015. – 296 с. – Текст : непосредственный.

Герман, Ю. Вот как это было : Повесть / Ю. Герман. – Санкт-Петербург-Москва : Издательство «Речь», 2023. – 96 с. – Текст : непосредственный.

Закруткин, В. Мать человеческая / В. Закруткин. – Москва :Профиздат, 1986. – 160 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Ильина, Елена. Четвёртая высота : Повесть / Елена Ильина. – Москва : Детская литература, 2022. – 334 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Кассиль, Л. Рассказ об отсутствующем / Л. Кассиль. – Москва : СТРЕКОЗА-ПРЕСС, 2007. – 60 с. – (Внеклассное чтение). – Текст : непосредственный.

Катаев, Валентин. Сын полка / Валентин Катаев. – Москва : АСТ, 2014. – 254 с. – Текст : непосредственный.

Космодемьянская, Л. Повесть о Зое и Шуре / Л. Космодемьянская. – Москва : Детская литература, 2023. – 318 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Лавренёв, Б. Разведчик Вихров : Рассказы / Б. Лавренёв. – Москва : Детская литература, 1991. – 64 с. – Текст : непосредственный.

Митяев, А. Подвиг солдата / А. Митяев. – Санкт-Петербург – Москва : Издательство «Речь», 2018. – 112 с. – (Вот как это было). – Текст : непосредственный.

Надеждина, Надежда. Партизанка Лара / Надежда Надеждина. – Москва : Детская литература, 2005. – 170 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Светлячок: Рассказы, стихи и сказки для детей. – Тула : Приокское книжное издательство, 1987. – 136 с. – Текст : непосредственный.

Полевой, Б. Повесть о настоящем человеке / Б. Полевой. – Москва : Детская литература, 1971. – 318 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Рыбаков, А. Н. Неизвестный солдат / А. Н. Рыбаков. – Текст : электронный // Данинград. Сайт для детей и родителей. Читаем книги онлайн. Классика. Книги для детей. – URL : <https://daningrad.ru/neizvestnyy-soldat-anatoliy-rybakov> (дата обращения: 25.06.2024).

Сегель, Яков. Коля из села Снегири : Повесть / Яков Сегель. – Москва : Детская литература, 1985. – 126 с. – Текст : непосредственный.

Стрехнин, Ю. Про отряд Бороды : Рассказы / Ю. Стрехнин. – Москва : Детская литература, 1974. – 160 с. – Текст : непосредственный.

Фадеев, А. Молодая гвардия : Роман / А. Фадеев. – Москва : Детская литература, 1988. – 592 с. – Текст : непосредственный.

Фонякова, Элла. Хлеб той зимы / Элла Фонякова. – Санкт-Петербург; Москва : Речь, 2023. – 224 с. – (Вот как это было). – Текст : непосредственный.

Шолохов, М. Судьба человека / М. Шолохов. – Москва : Советская Россия, 1979. – 127 с. – Текст : непосредственный.

Яковлев, Ю. 12 историй / Ю. Яковлев. – Москва : Советская Россия, 1983. – 352 с. – Текст : непосредственный.

Алфавитный указатель авторов

А

Алексеев С. П. – 1

Арсеньев С. В. – 2

Б

Бакланов Г. Я. – 3

Богданов Н. В. – 4

Богомоллов В. О. – 5

Бондарев – 6

Быков В. В. – 7

В

Васильев Б. Л. – 8

Верейская Е. Н. – 9

Веркин Э. Н. – 10

Г

Герман Ю. П. – 11

З

Закруткин В. А. – 12

И

Ильина Е. Я. – 13

К

Кассиль Я. А. – 14

Катаев – 15

Космодемьянская – 16

Л

Лавренёв Б. А. – 17

М

Митяев А. В. – 18

Н

Надеждина Н. А. – 19

Нечаев Ю. Н. – 20

П

Полевой Б. Н. – 21

Р

Рыбаков А. Н. – 22

С

Сегель Я. А. – 23

Стрехнин Ю. Ф. – 24

Ф

Фадеев А. А. – 25

Фонякова Э. Е. – 26

Ш

Шолохов – 27

Я

Яковлев Ю. Я. – 28

Алфавитный указатель заглавий

А

А зори здесь тихие... – 8

Б

Баваклава – 28

Бессмертный горнист – 4

В

Вот как это было – 11

В списках не значится – 8

Г

Гвоздильный завод – 1

Горячий снег – 6

Д

Данко – 1

Длинное ружьё – 18

З

Зимородок – 28

Злая фамилия – 1

Зоя – 1

И

Иван – 5

Июль 41 года – 3

К

Коля из села Снегири – 23

Комиссар Лукашин – 4

Л

Ленка-пенка – 2

М

Матерь человеческая – 12

Молодая гвардия – 25

Н

Неизвестный солдат – 22

Ни шагу назад! – 1

О

Обелиск – 7

Облачный полк – 10

Орден сурового времени – 20

Орлович-Воронович – 1

П

Партизанка Лара – 19

Повесть о Зое и Шуре – 16

Повесть о настоящем человеке – 21

Подвиг Корницкого – 1

Подвиг у Дубосекова – 1

Про отряд Бороды – 24

Пядь земли – 3

Р

Разведчик Вихров –17

Рассказ об отсутствующем –14

С

Сержант-Лейтенант – 1

Старшина Иван Прохоров – 1

Сто красавиц – 1

Судьба человека – 27

Сын полка – 15

Т

Талалихин – 1

Танки против танков – 1

Три девочки – 9

У

У классной доски – 14

Х

Хлеб той зимы – 26

Ч

Четвёртая высота – 13